РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ СЕМИНАР

РОССИЯ И КИТАЙ В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЕ

Совместный проект Совета по внешней и оборонной политике,
Китайского Института международных стратегических исследований и
Российского Агентства международной информации «РИА "Новости"»

(20-22 марта 2009 г., пансионат «Лесные Дали»)

Суббота, 21 марта

Открытие семинара

— Караганов. Дорогие друзья, для меня огромная честь и удовольствие приветствовать наших китайских гостей и друзей, российских друзей на семинаре, который является в какой-то мере уникальным для российско-китайских отношений. До сих пор как правило китайские и российские интеллектуалы обсуждали проблемы двухсторонних отношений, или хотя бы отношений только на Дальнем Востоке. А мы не так давно, около года назад, с генералом Сюном решили, что на до начинать нам разговоры не столько о двухсторонних отношениях, не прерывая этот разговор, сколько о том, что происходит в мире, сравнивая наши оценки, вырабатывая общие подходы. Это первое.

Второе. Наш семинар не нацелен на то, чтобы вырабатывать какую-то общую российско-китайскую политику в отношении внешнего мира. Каждый из нас будет делать свои собственные выводы из тех дебатов, которые будут проходить здесь.

Третье. Тем не менее, я думаю, что мы можем приходить и каким-то общим и оценкам, и может быть даже каким-то рекомендациям, но они будут неофициальными. Самое простое, что мне в голову приходит, — усиливается Китай, усиливается Россия, а в медийном поле, которое мы не будем обсуждать, и Россия, и Китай почти что не присутствуют. Даже арабский мир с Аль-Джазирой присутствует в медийном поле. А это медийное поле по-прежнему не отражает реального нового положения дел в мире. Это просто пример.

Четвертое. Правила нашего заседания. Мы будем говорить на основе так называемого Chatham House Rule. Это тот самый случай, когда западные стандарты могут приветствоваться. И мы их можем легко принимать. То есть мы говорим каждый от себя, никто не имеет права цитировать друг друга, но каждый имеет право использовать те мысли, которые он здесь услышал, в своей дальнейшей работе.

Пятое. У нас ротирующееся председательство. И в качестве первого председателя у нас будет выступать генерал Сюн Гуанкай. Обычно, как вы знаете, традиция диктует, чтобы первым председателем был представитель принимающей стороны. Но именно потому, что мы подчеркиваем, что у нас не обычная встреча, во-первых, и во-вторых, потому что мы будем менять правила игры, которые были разработаны до нас, а также еще потому, что мы очень хотим выказать дополнительный знак уважения нашим китайским друзьям, мы предоставляем возможность для первого председательства генералу Сюн Гуанкаю. Мы уже договорились с генералом Сюн, что председательствующий имеет право участвовать в дискуссии. Он не только ведет заседание, но и может выступать с краткими комментариями и заявлениями, он ставит вопросы, т.е. является полноценным лидером и дирижером дискуссии. С большим удовольствием я передаю микрофон генералу Сюн Гуанкаю, выдающемуся китайскому политическому и военному лидеру, и интеллектуалу.

— Сюн Гуанкай. Дорогие товарищи, друзья! Я благодарю за возможность нашей делегации КИМСИ по приглашению СВОПа прибыть для участия в российско-китайском семинаре «Россия и Китай в новой международной среде». Наши цели очень ясны, чтобы на этом семинаре усилить наше взаимопонимание, чтобы и Китай, и Россия в новой международной среде углубили стратегическое взаимодействие. Мы должны внести свой вклад в это дело. Российские друзья это все очень известные специалисты, специалисты высокого уровня. Мы здесь видим наших старых друзей. Они все занимают очень важные посты. Я хотел бы сказать несколько слов о членах китайской делегации. Мы тоже занимаем достаточно важные позиции в Китае. Первый выступающий академик Чжу Гаофэн. Он был заместителем президента академии инженерных наук Китая. Он хорошо знает проблематику российско-китайских отношений. Еще один важный

член нашей делегации, который будет выступать, посол Ли Фэнлин. Он очень опытный посол на уровне министра. Он, как и Чжу Гаофэн получил образование в России, Советском Союзе, т.е. можно сказать, что хорошо знает очень Россию, но нельзя сказать, что он пророссийски настроен. Среди присутствующих товарищ Ли Цзинцзе, также специалист по России. Проблематика его выступления — взаимоотношения в XXI веке. Он также член комитета XXI века. Еще один генерал Ван Хайюнь, бывший военный атташе Китайской Народной Республики в России. И еще один генерал, нынешний наш военный атташе товарищ Чжу Да. Также наш генеральный секретарь и мой секретарь Ван Цзяньган и Чжан Чжао. Таким образом, у нас сегодня присутствуют представители военных кругов, научных кругов, представители дипломатии. Это, я думаю, создает условия для всестороннего обсуждения на нашем семинаре состояния международных отношений.

Сегодня хорошая погода, и это хороший признак. Небо нам благоприятствует. Я считаю, что этот прекрасный снежный день — это как бы предзнаменование успеха нашей работы.

I заседание. ОБСТАНОВКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

— Сюн Гуанкай (председатель). Тема нашей первой сессии — ОБСТАНОВКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ. У нас в программе три докладчика. Я как председатель тоже хотел бы принять участие в обсуждении первого вопроса. Наш первый докладчик — член-корреспондент Российской Академии наук Алексей Арбатов.

— Арбатов. Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Прежде всего я хочу сказать, что для меня огромное удовольствие и большая честь участвовать в этом семинаре. В последние годы я регулярно езжу в Китай и постепенно все больше и больше уважаю и даже восхищаюсь и достижениями китайского народа, и мудрым руководством китайских лидеров. Я говорю это абсолютно искренне, без всяких кавычек. Китай за исторически короткий срок проделал огромный путь и показал всему миру, что реформы могут осуществляться параллельно с повышением благосостояния и уровня жизни всего населения от года к году, а не наоборот. И даже посещая Китай через год, нельзя не видеть, какие большие изменения происходят там постоянно. Поэтому я просто хочу пожелать больших успехов нашим китайским друзьям.

Тема, которая обозначена, настолько необъятна, что о ней можно сказать или за 3 часа, или за 3 минуты. Я попал здесь впросак, поскольку 10 или 15 минут это конечно недостаточно, чтобы сказать обо всем, поэтому по необходимости мои замечания будут достаточно фрагментарны и я знаю, что весьма спорны.

Мировую политику, с которой мы начинаем, хотя по идее надо было бы с мировой экономики, определяет имеющий место кризис. Поскольку итоги кризиса, его продолжительность пока не ясны, столько же неясно, как это будет влиять на международную обстановку. Ясно только одно, что имеющий место кризис на много лет вперед повлияет и на мировую экономику, и мировую политику, и в значительной мере изменит и политическую карту мира.

Сразу хочу оговориться, мне кажется, что все согласны с тем, что окончательно рухнул миф однополярности, который после холодной войны имел место. В реальности такой однополярности, мне кажется, не было, но миф существовал. И кризис стал последним ударом, который развеял этот миф. После окончания холодной войны у Соединенных Штатов появился уникальный шанс организовать мировую экономику и политику на разумных началах. И они этот шанс с треском провалили. Продемонстрировали свою несостоятельность в качестве мирового лидера как в политическом, так и в военном, а вот сейчас уже ясно, что и в экономическом отношении. Так что многополярность стала реальностью настолько очевидной, что, мне кажется, даже не нужно этот вопрос и обсуждать.

Вопрос только в том, поведет многополярность к какой-то разумной перестройке международных отношений или к хаосу. И здесь пока итоги еще далеко не ясны, туманны, и то, как будет дальше протекать экономический кризис и чем он завершится, решающим образом определит один из этих двух сценариев.

Я хотел бы сказать о том, как видимо будет меняться роль военной силы в мире, как она повлияет на существующие союзы государств, как те или иные страны будут осуществлять свою деятельность в политическом отношении, и если останется время, сделать несколько общих замечаний.

Итак, роль военной силы. Судя по всему, в результате кризиса роль военной силы значительно изменится. Целый ряд причин, которые раньше расценивались как источники высокой конфликтности, эти причины будут иметь меньшее значение или во всяком случае их действие отложится на длительное время. О чем идет речь? Конфликты из-за энергосырья, которые раньше считались главным источником будущих международных конфликтов. По всей видимости в ближайшее время конфликтов из-за энергосырья не будет в условиях экономического кризиса. И если они когда-то и возникнут, то возникнут гораздо позже, чем ожидалось.

Во-вторых, конфликты, связанные с ренессансом ядерной энергетики. Это тоже было связано с дефицитом энергосырья, с климатическими проблемами, ожидался огромный ренессанс ядерной энергетики, в частности были прогнозы, что к 2050 году количество стран, имеющих ядерную энергетику, вырастет вдвое по сравнению с нынешним, сейчас 30 стран имеют, будет 60. Общая мощность атомной энергетики вырастет в 5 раз. Такие были прогнозы. Будет построено 100 новых реакторов. Судя по всему, и этот сценарий несколько снижается в своем значении и откладывается на гораздо более отдаленное будущее, чем ожидалось.

С другой стороны такие источники конфликтов как конфликты, связанные с продовольствием, с дефицитом пресной воды и, самое главное, конфликты на этнической и религиозной основе в условиях кризиса будут по всей видимости обостряться и распространяться. Но это все локальные конфликты. Это конфликты локального характера. После опыта Ирака, Афганистана, мы еще не знаем, как этот опыт завершится, но печальные уроки налицо. Желание великих держав вмешиваться в локальные конфликты будет гораздо меньше. Они постараются избегать вмешательства прямого и применения силы в локальных конфликтах. Действовать в большей степени через Организацию Объединенных Наций и ее региональные филиалы с тем, чтобы государства, находящиеся в непосредственной близости, брали на себя большую ответственность.

Этот прогноз имеет два исключения. Возможны два конфликта, которые не будут локальными. Мне бы очень хотелось, чтобы они не произошли, но если они произойдут велика вероятность того, что они закончатся большой войной с непредсказуемыми последствиями. Эти два конфликта напрямую касаются России и Китая. Один из них это возможный конфликт между Россией и Западом, связанный с проблемой Украины, Крыма, Севастополя, который, если произойдет, угрожает вылиться в большую войну. Второй конфликт это Тайвань. Если произойдет вооруженный конфликт в районе Тайваня, это тоже может закончиться большой войной, но понятно, что с другого берега евроазиатского континента. Я надеюсь, что этих конфликтов не будет, но их опасность нельзя недооценивать.

Что касается распространения ядерного оружия. Мне кажется, что ключевое значение здесь имеет то, как будет развиваться ситуация с Ираном. Сейчас многие такие лихие политологи и обозреватели обсуждают вопрос приемлем ли Иран с ядерным оружием, не приемлем ли Иран с ядерным оружием, предопределено ли создание ядерного оружия в Иране или нет. Мне кажется, это смещение вопроса в иную плоскость, чем та, которая на самом деле стоит. Вопрос сейчас в другом — позволено ли будет Ирану создать полный топливный ядерный цикл. Не обязательно ядерное оружие, а создать полный топливный ядерный цикл, который подведет его вплотную к созданию ядерного оружия, если он того пожелает, если будет повод и если будет реальная причина. Вот о чем сейчас идет речь. Мне кажется, что Ирану этого не позволят сделать. Бесконечно наращивать технологию связанную с обогащением урана, Иран не сможет. Рано или поздно будет иметь место военная операция со стороны Израиля или со стороны Израиля и США, и будет война опять-таки с непредсказуемыми последствиями. Она вряд ли будет большой войной, но политические последствия для всего мира будут огромные.

Что касается договора о нераспространении ядерного оружия и вообще системы нераспространения ядерного оружия, то она пострадает в обоих случаях. И если будет нанесен удар по Ирану и будет война, то договор развалится потому, что Иран конечно выйдет из договора и вслед за ним наверное 25 мусульманских государств. И от этого договора ничего не останется, потому что он важен нам не с точки зрения позиции, политики Швеции и Швейцарии. Он нам важен с точки зрения именно позиции вот этих стран. Если же Иран создаст полный ядерный топливный цикл и покажет пример другим странам, то от договора опять-таки ничего не останется. На бумаге может быть он сохранится, но реально это будет практически равнозначно распространению ядерного оружия в мире, потому что, создав такой цикл, эти страны будут постоянно находиться в одном шаге от вступления в ядерный клуб.

Теперь в целом роль ядерного оружия в мировой политике. Что касается США, Великобритании, Франции, Индии, то для этих стран роль ядерного оружия будет уменьшаться. И они будут уменьшать роль ядерного оружия в своей военной политике, гораздо в большей мере полагаться и на силы общего назначения и в том, что касается США и НАТО на самые новые неядерные системы, которые сейчас разрабатываются, включая космическую составляющую.

Что касается Китая и России, то их роль в ядерном оружии для Китая и России, как мне кажется, в решающей степени будет зависеть от их отношений со странами Запада. Если будет иметь место нарастание напряженности вокруг конфликтов на постсоветском пространстве, прежде всего на Украине или вокруг Тайваня, то Россия и Китай будут увеличивать упор на ядерное оружие. Если нет, то будут уменьшать, потому что реальные военные угрозы, с которыми они будут сталкиваться и возможность применения силы будет связано с локальными конфликтами, где ядерное оружие не применимо, а нужны мобильные, компактные специально подготовленные силы общего назначения.

Позволю себе сказать о США. Соединенные Штаты пострадали от экономического кризиса. То, что они специально его придумали, чтобы кого-то ущемить, это, мне кажется, абсолютная чушь. И они пострадали заслуженно. Сейчас в США проходят экономические и социальные изменения, которые по мнению некоторых наших специалистов, в частности директора Института США Сергея Рогова, и я с ним в этом полностью согласен, сопоставимы с новым изданием нового курса Франклина Рузвельта. Это изменит и внутреннюю политику, социально-экономическое положение Соединенных Штатов. От односторонних силовых действий вне рамок международного права новое руководство будет переходить к действиям коллективным, пытаться достичь консенсуса. И если этого не будет удаваться, они скорее воздержатся от силового произвола, нежели пойдут односторонним путем на него как их предшественники, как республиканская администрация делала, т.е. вопреки тому, что делала предыдущая администрация. И будут стараться действовать через ООН и в рамках международного права, потому что уроки горькие последних 8 лет, мне кажется, они усвоили достаточно хорошо. И феноменальный факт победы первого чернокожего американца на президентских выборах это больше всего символ того, насколько глубоко американцы почувствовали, что они действовали неправильно в предшествующие годы.

Мне кажется, самая главная страна для Соединенных Штатов в обозримый период будет Китай. Китай будет на первом месте американской политики. Они постараются всемерно улучшить отношения с Китаем и взаимодействовать с ним прежде всего в преодолении экономического кризиса, но и на глобальном политическом уровне. Также вполне вероятно они постараются совершить ряд локальных прорывов, которые в совокупности значительно изменят картину мира. Что я имею в виду? Попытка прорыва в отношениях с Ираном уже началась. Также по всей видимости попытаются они изменить отношения с Кубой, с Вьетнамом и серьезно поменять всю систему координат и в Евразии, и в Новом свете в Западном полушарии. Безусловно они будут и дальше развивать отношения с Индией, и постараются продвинуться на пути ядерного разоружения. Здесь для них будет важным партнером Россия. И они постараются взаимодействовать с Россией. Если это не получится, они в военном отношении ничуть не пострадают, но они перевалят на Россию политическую ответственность за новый тупик в области разоружения и займутся другими делами, предоставив нам разбираться со своим ядерным оружием.

НАТО будет играть меньшую роль. Единственный сценарий, при котором можно предположить, что НАТО в какой-то степени вернет себе утраченную роль, это опять-таки конфликт на просторах СНГ, прежде всего Украина, Крым, Севастополь. Если там произойдет конфликт, НАТО в известной степени на какой-то период вернет себе прежнюю роль военного союза для сдерживания России. Если нет, то НАТО будет утрачивать свое значение, потому что все три функции, которые НАТО осуществляло в последние годы, закончились неудачей. Одна функция это операция в Европе. Здесь НАТО почти больше этим не занимается. Соединенные Штаты свое присутствие в Европе резко сокращают. Другая функция это операции вне Европы. Тот Ирак, который осуществлялся Соединенными Штатами и рядом их союзников, закончился полным крахом. Афганистан вовлек НАТО в тяжелейшую и в значительной степени неразрешимую проблему, поэтому желание и дальше осуществлять эту операцию вне зоны ответственности у НАТО, я думаю, не будет. И расширение на Восток натолкнулось недавно на отпор в Грузии. Там были конечно локальные причины, но я все-таки рассматриваю этот конфликт прежде всего на фоне отпора, который в конечном итоге Россия дала, чтобы остановить продвижение НАТО на постсоветское пространство. И здесь тоже энтузиазма сейчас нет.

По ОДКБ и ШОС я не буду говорить. Это отдельные темы, которые будут обсуждаться. Я уверен, что здесь лучше меня об этом смогут сказать специалисты.

В заключении два замечания общего характера. До кризиса у нас было много споров, во-первых, о том, есть ли соревнование между авторитарным капитализмом и демократическим и кто в этом соревновании побеждает. Во-вторых, перемещается ли центр тяжести мировой политики и экономики из Европы и Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион. Мне кажется, кризис еще не дал ответы на эти вопросы, но кое-какие намеки кризис уже сделал. Прежде всего по первому вопросу, главная разница не между авторитарным и демократическим капитализмом,

а главная разница между спекулятивным капитализмом, который раздувает финансовые пирамиды и спекулятивный рост, и капитализмом, который опирается на реальную экономику. Мне кажется, из кризиса в гораздо лучшем положении в конечном итоге выйдут страны, которые опираются на реальную экономику, а не на спекулятивную. И к таким центрам силы относятся Китай, Европейский союз, Индия, Япония. Что касается Соединенных Штатов, они, я думаю, в значительной степени обновят свою экономику и социальную систему, но будут занимать гораздо более скромное место и в мировой политике, и в мировой экономике после завершения этого кризиса.

Россия здесь как всегда большая загадка, завернутая в тайну и дальше, как Черчилль говорил. Если Россия воспользуется этим тяжелым уроком для того, чтобы в корне изменить свою экономику и изменить экспортно-сырьевую модель, то Россия имеет шансы выйти из кризиса в новом качестве. Если нет, то здесь возможны варианты, но о них не очень хочется даже и думать.

И второй вопрос, перемещается ли центр тяжести. Я думаю, что в качестве объекта мировой политики, конфликтов, противоречий, да, перемещается. Азия будет представлять из себя новую сферу, где и ресурсы, и рынки будут привлекать гораздо в большей степени мировых игроков, чем Европа. Вместе с тем и Сибирь, и Дальний Восток это тоже часть Азии. И это часть того пространства, на который будут устремлены интересы крупных держав. Но что касается субъекта мировой политики, я думаю, что Европейский союз в результате кризиса станет гораздо более крупным субъектом мировой политики и не только в Европе и в окружающих регионах, но и в Азии. Уже сейчас, скажем, экономические отношения Европейского союза с тем же Китаем гораздо больше, чем у Китая с Россией. Я думаю, что после кризиса это будет и дальше расширяться. Спасибо за внимание.

— Сюн Гуанкай. Только что господин Арбатов сделал очень интересный доклад, в котором коснулся и проблем, вызванных мировым кризисом, и перенесения центра тяжести современного мира из европейско-атлантического региона в АТР, и краха мифа об однополярном мире. Хотелось бы продолжить дискуссии по этим вопросам. А сейчас я приглашаю еще одного докладчика с российской стороны, господина Иноземцева, главного редактора журнала «Свободная мысль».

— Иноземцев. Спасибо Совету и китайским товарищам, которые организовали это замечательное мероприятие. Я постараюсь больше говорить об экономике, что понятно, я все-таки экономист, но прокомментирую некоторые положения, которые были высказаны в докладе господина Арбатова. Общая моя точка зрения на происходящий сегодня кризис и на то, что мы будем иметь по его окончании, она, я бы сказал, не слишком алармистская. Мне кажется, что сегодня слишком часто этот кризис сравнивается с великой депрессией, слишком много говориться о его катастрофичности, о его масштабности и о тех последствиях, к которым он приведет. В действительности, если начать реально сравнивать кризис с тем, что был в 29 году, то ближайшие же статистические данные покажут, что он просто не сравним ни по масштабу падения экономики, в прошлом году американская экономика, не будем забывать, продемонстрировала рост на 1,1%, ни по масштабам увеличения безработицы, ни по масштабам банкротств банков, ни, что самое существенное, по качеству и размерам государственных ответов на те проблемы, которые сегодня появились в западном мире.

Да, эти проблемы велики, они существенны, безусловно не только в спекулятивной сфере, но и в производственной сфере в Соединенных Штатах накопились очень большие диспропорции. Они будут, я думаю, исправляться. Я думаю, что промышленность эта в США требует очень глубокой перестройки. Они очень серьезным образом отстали и от европейской экономики, и от японской экономики, и даже от китайской экономики. Я думаю, что такого рода перестройка потребует нескольких лет и очень больших государственных усилий. Но все-таки никоим образом я не стал бы, еще раз повторю, сравнивать происходящее с 29 годом. Мы не увидим глубокой рецессии. Я думаю, что усилия правительств Соединенных Штатов, Европейского союза и других государств обеспечат возвращение к позитивной динамике ВВП уже в этом году в 3—4 квартале.

Поэтому я бы не стал также сравнивать масштабы изменения в США с новым курсом. Мне кажется, что все-таки американское правительство безусловно более открыто миру, чем администрация Буша, более творчески и адекватно воспринимающее сегодняшнюю ситуацию, оно все-таки ориентировано на решение конкретных экономических проблем и имеет определенные узкие горизонты в своих действиях. На сегодняшний день задачей администрации Обамы является решение конкретных сиюминутных проблем. Насколько стратегически оно

поведет себя к концу, допустим, первого срока нынешнего президента, когда эти проблемы в их нынешней форме останутся позади, мы увидим позже.

В этой связи, я думаю, что стратегических и кардинальных изменений мировой политики по итогам этого кризиса не случится. Я согласен с тем, что Соединенные Штаты конечно уменьшат свою роль в мировой экономике, будет гораздо сложнее им диктовать свои решения остальным участникам глобальной политики. Безусловно, их роль в принятии решений тоже несколько снизится. Но я хотел бы предостеречь всех нас от того подхода, который распространился в самих США после окончания холодной войны.

Алексей сегодня говорил о том, что после окончания холодной войны США создали миф об однополярном мире и, действуя в рамках этого мифа, наделали огромное количество ошибок. Я подозреваю, что создание мифа о многополярном мире на современном этапе столь же большая иллюзия, как однополярный мир образца 91 года. И, создав этот миф, мы можем наделать еще больше ошибок, чем наделала американская администрация в последние 10 лет. Именно это я бы хотел в первую очередь сделать лейтмотивом своего выступления. Мне кажется, что происходящие изменения медленные. Они не стратегические. Нужно смотреть за тем, как они будут развиваться на протяжении ближайших 10—15 лет, а не одного, двух лет. И тогда уже делать далеко идущие выводы.

Мне кажется, что, опять-таки говоря об экономике, Китай и Россия являются и будут являться одними из наиболее пострадавших стран от нынешнего экономического кризиса. Китай осуществил в последние десятилетия огромные позитивные преобразования. Я бываю в Китае, смотрю на то, как меняется страна. Я действительно восхищаюсь усилиями китайских товарищей. Я очень высокого мнения о способностях, талантах и организации китайского управления, государственного в первую очередь, в отличие от российского. Я могу только приветствовать и поздравить наших китайских коллег с тем, что было сделано ими за последние годы. Я считаю, что Китай пошел по единственно правильному пути в современном мире, организовав четкую, мощную индустриальную модернизацию под государственным контролем и с обеспечением интересов как внутренних, так и иностранных инвесторов. То, что не удалось России, к сожалению, за последние 10 лет.

В то же время я хочу отметить, что и Китай, и Россия сегодня оказываются в очень тяжелом положении, потому что объективно кризис нанесет самый жестокий удар по рынку инвестиционных товаров, рынку металлов, стали, оборудования, которое производит Китай в значительной мере, по рынку сырья, нефти, газа, который производит Россия. Я думаю, что в ближайшие 2—3 года и для Китая, и для России наступят может быть не катастрофические, но тяжелые времена. И в отличие от США и Европы ни Китай, ни Россия не имеют сегодня возможности осуществлять такие масштабные программы помощи экономике, как осуществляет администрация Обамы, по той простой причине, что и Китай, и Россия не имеют свободно конвертируемых валют. Мы занимаем на мировых рынках не в своих валютах. Мы имеем серьезные валютные резервы, которые в любом случае в этой ситуации будут медленно таять, как бы нам не хотелось обратного, и степень нашей свободы маневра меньше, чем у США или Западной Европы.

Справедливости ради хотел бы отметить, что тот кризис, который сегодня случился в Соединенных Штатах Америки, в значительной мере ответственность за него лежит не только на Соединенных Штатах, но и на других государствах. И Китай, и Россия в этой связи являются далеко не последними государствами, на которых лежит эта ответственность. Дело в том, что за последние 10 лет, начиная с 1999 года, когда закончился азиатский и российский финансовый кризис, именно развивающиеся страны, в первую очередь Китай, Россия, страны Персидского залива, другие страны Юго-Восточной Азии, обеспечили огромный спрос на мало чем обеспеченную американскую валюту и американские казначейские обязательства. Объем валютных резервов в мире за последние 10 лет вырос в 4,5 раза на 5 трлн. долларов. Фактически США, усилиями Китая и России набивавшие чемоданы Центрального банка долларами, серьезным образом отсрочили кризис. И в результате его отсрочки этот кризис стал более жестоким, чем мог бы быть, если бы он начался в начале 2000 годов.

Таким образом закончу по поводу кризиса и еще раз подытожу. Мне кажется, что западные экономики выйдут из него довольно быстро. Роль США безусловно уменьшится. Их политика станет менее односторонней, более гибкой. Россия и Китай должны будут в течение ближайших лет переосмысливать свою роль в глобальной экономике. Для России важнейшей задачей будет промышленная модернизация и уменьшение своей зависимости от экспорта энергоресурсов. Для Китая важнейшей задачей будет дальнейшее развитие внутреннего спроса, переориентация с той экспортной модели развития экономики, которая существовала в 90 и в начале 2000 годов, на более основывающуюся на внутренних источниках развития модель развития экономики, что безусловно снизит темпы роста, безусловно уменьшит динамику экономического развития, но придаст им новые качества.

Что касается политических выводов из того, что может произойти в рамках экономического кризиса. Я думаю, что и Россия, и Китай, и Соединенные Штаты в ближайшие годы будут проводить политику менее ориентированную на решение каких-то глобальных проблем, а более ориентированную на решение своих внутренних экономических проблем, перестройку своей социальной системы, возможно, на решение и совершенствование политических институтов. И поэтому, мне кажется, что в перестройке международных институтов, в перестройке мировой политики в этот период нужно быть предельно осторожными, как я уже говорил, относительно того, чтобы не поддаваться мифам, которые могут сложиться в головах политиков и экспертов в связи с серьезными экономическими потрясениями.

Важнейшая проблема, которую я сегодня вижу в российско-китайских отношениях, это проблема сущности нашего партнерства, его экономического значения и по сути дела смысла нашего тесного экономического и политического сотрудничества. До последнего времени Россия была и остается, к сожалению, сегодня сырьевым придатком Запада. Из нашего экспорта, мы все это знаем, больше 70% приходится на сырьевые товары. Запад является для России, может стать по крайней мере, источником инноваций, технологий как социальных, так и экономических, технологических. И в этом отношении Россия может при сближении с западными странами, в первую очередь с Европейским союзом, извлечь достаточно серьезные политические, экономические выгоды.

Китайская Народная Республика в последнее десятилетие произвела гигантский исторический скачок и стала, как сегодня модно считать, главной фабрикой по производству индустриальных товаров для того же Запада. По сути, если говорить очень откровенно и без прикрас, Россия является сырьевым придатком Запада, а Китай индустриальным.

Для меня большим вопросом является вопрос о том, следует ли России становиться сырьевым придатком индустриального придатка Запада? Я не вижу прямой выгоды в укреплении и переориентации российского экономического сотрудничества с Европы на Китай. И пока я не вижу ни одного вменяемого объяснения, для чего это нужно делать, при всем моем уважении к китайской стороне.

Я не говорю о мелких конфликтах, которые случаются в экономических отношениях между Россией и Китаем. Они есть везде. И в отношениях с Европой, и в отношениях с Америкой. Но я не вижу стратегического смысла становиться учеником или даже очень хорошим учеником.

Что касается отдельных элементов тезисов, которые были выдвинуты г-ном Арбатовым, я хочу сказать, что полностью согласен с его точкой зрения по поводу НАТО. Действительно, на мой взгляд, значение военное и политическое этой организации будет снижаться. Но не вполне согласен с его оценкой угроз, которая была дана, с точки зрения возможных военных конфликтов в ближайшее десятилетие. Я рискну предположить, что политическое руководство и Российской Федерации, и Китайской Народной Республики достаточно ответственно и адекватно существующим вызовам, чтобы не допустить ни при каких обстоятельствах военных конфликтов вокруг Севастополя или Тайваня. И китайская политика в отношении объединения, воссоединения Китая показывает в последние годы выдержанность и ответственность китайской стороны. И российская политика при всех ее зигзагах показывает, на мой взгляд, то, что Россия не готова переходить определенные границы. Но в то же время в Азии существует большое количество конфликтов, о которых здесь пока не говорилось. Может быть, о них будет говориться позже. И в первую очередь это конечно напряженность между двумя ядерными державами на Азиатском континенте — Индией и Пакистаном. В условиях исламского фундаментализма и его дальнейшего подъема ситуация в Пакистане будет мало предсказуемая. В то же время Китай, как один из главных союзников Пакистана, мог бы, наверное, оказывать более серьезное позитивное воздействие на ситуацию в регионе через апелляцию к этому своему союзнику. Отношения России с Индией могли бы, возможно, способствовать также сдерживанию определенных ответных реакций индийской стороны.

Я не буду говорить о многих других проблемах, которые сегодня стоят перед нами. Я хочу еще раз подчеркнуть: давайте не будем спешить с оценками того, что произойдет в мире. Я еще раз хочу привлечь внимание к тому, что наши китайские товарищи на протяжении последних 30 лет были столь успешны в своих экономических, политических решениях и действиях в значительной мере из-за того, что они не пытались бежать впереди телеги, а они всегда поступали очень взвешенно, очень адекватно и не стремились делать далеко идущие выводы из событий, которые еще не сложились в какие-то глобальные тенденции. Я хочу посоветовать всем нам не делать преждевременных выводов, понимать, что мы живем на земле не последний год. Ни Китай, ни Россия никуда не денутся с карты мира. У нас есть время впереди для принятия взвешенных решений. Давайте не торопиться. Давайте смотреть за происходящим и делать взвешенные и неторопливые выводы.

— Сюн Гуанкай. Мы знаем, что господин Иноземцев банкир. Он сегодня говорил об экономике и потом сделал некоторые политические оценки того, как будет развиваться ситуация в мире. При этом он высказал отличные от предыдущего выступающего суждения. Наш третий докладчик также сможет высказать свои собственные соображения по поводу услышанного в предыдущих выступлениях. Я приглашаю академика Чжу Гаофэна, высшего советника КИМСИ, бывшего заместителя начальника Академии инженерных наук Китая.

— Чжу Гаофэн. 50 лет назад я учился в Советском Союзе. И сейчас по-прежнему живы воспоминания. Я учился в Ленинграде, в ленинградском Институте связи. Впоследствии я не так часто бывал в Советском Союзе и в России, поэтому в этот мой приезд я вижу, что Россия восстановилась после развала Советского Союза. Я очень рад за ваш прогресс, который вы проделали в последние годы.

Я прослушал предыдущие выступления. Докладчики высказали много конкретных соображений. Я не хотел бы очень подробно говорить о конкретных делах, а вот об общей ситуации политической, экономической во всем мире хочу высказать своё мнение.

В 21 веке мир испытал большие изменения, большую трансформацию. Это сложные и глубокие изменения. Сейчас уже не существует той ситуации, которая была во время холодной войны, но новое положение в мире еще не сложилось. Существует состояние неопределенности. Факторы неопределенности увеличились. Особенно это относится к глобальному финансовому кризису. Что будет в результате этого кризиса — еще не известно. Это еще более увеличивает неопределенность. В общем можно сказать, что будет продолжаться переходный период между старой и новой ситуациями, но сейчас будут складываться такие тенденции главные как становление многополярного мира и экономическая глобализация. Эти тенденции будут углубляться и продолжаться. Международные отношения уже смягчаются, но все равно остаются сложными.

Я бы хотел высказать свои личные взгляды по поводу особенностей и тенденций развития современной политической и экономической ситуации. Первое, сейчас в сложившейся после холодной войны ситуации единственной сверхдержавой остаются Соединенные Штаты, Европа стала единой, Япония возглавляет азиатскую экономику. Таким образом, Запад контролирует становление и функционирование мировой системы международных отношений. Но в последние 10-20 лет произошли большие изменения. Например, Соединенные Штаты находятся под бременем войны в Ираке и в Афганистане, а также антитеррористической войны. Это ослабило их силы. Кроме того, для Соединенных Штатов бремя антитеррористической войны не только не ослабло, а еще более увеличилось. Возникли региональные проблемы Корейского полуострова, Ирака, Ближнего Востока, что также ограничивает свободу маневра Соединенных Штатов в дипломатической области и в области безопасности. Нынешний глобальный кризис вызван все-таки американскими проблемами. И конечно американская экономика вступила в фазу рецессии, но все-таки реальная американская сила, сила государства в экономике сохраняется, Америка остается супердержавой. И способности Соединенных Штатов к самовосстановлению и к инновациям по-прежнему очень сильны.

Процесс европейской интеграции в результате влияния этого кризиса замедлился. Появились новые страны-экономические лидеры — Россия, Индия, Бразилия, Южная Африка и Китай. Они должны использовать этот кризис для своего развития. Таким образом, тревожная ситуация, сложившаяся после холодной войны, когда Соединенные Штаты стали единственной сверхдержавой, а Запад стал основной силой международных отношений, не претерпела радикальных изменений. Вместе с тем ускорилась тенденция становления многополярного мира.

Например, такая организация как G-8 плюс 5 — формат этого диалога все больше привлекает всеобщее внимание. Например, в ноябре прошлого года состоялся саммит 20 стран. Он тоже показал, что эти страны оказывают все большее влияние на мир.

Второе. Традиционные проблемы безопасности и нетрадиционные проблемы безопасности, взаимное переплетение. В целом наблюдается тенденция к снижению напряженности в мире. Но сейчас проявляются и растут нетрадиционные угрозы безопасности. Они сплетаются с традиционными проблемами. Растет нестабильность и неурегулированность в мире. Во-первых, проблема горячих точек все время возникает. Это проблема Корейского полуострова. С одной стороны там наблюдается прогресс, а с другой там очень много нестабильных факторов. И пока неясно, как будет развиваться ситуация. Проблема Ирана застыла на мертвой точке. Проблема Ирака. Там ситуация улучшается, но в Афганистане она ухудшается.

Проблема отношений Индии и Пакистана. Из-за террористического акта в Мумбаи отношения стали очень напряженными, поэтому проблемы этих горячих точек все время возникают.

Вторая проблема это проблема геополитической стратегической борьбы. Это борьбы и за ресурсы, и за владение геополитическими высотами, например Каспийское море, Ближний Восток и т. д. Иногда эти проблемы очень быстро обостряются, а иногда они все-таки остаются скрытыми. Например, Соединенные Штаты создали своё африканское командование, США и другие державы стали активнее осуществлять политическое, экономическое, военное проникновение в Африку.

Латинская Америка. У радикальных режимов Венесуэлы, Боливии всё больше обостряются противоречия с Соединенными Штатами. Кроме того, появляются новые проблемы. Это развитие космического оружия. Например, проблемы разработки морских ресурсов.

Третье. Террористическая деятельность все-таки распространяется в глобальном масштабе в последние годы. Задачи решения этой проблемы велики, а путь, как говорится, не близок. Появилась и новая проблема морского пиратства.

Четвертое. Влияние экономической глобализации на политическую ситуацию и ситуацию в сфере безопасности. Не буду об этом долго говорить. Это проблема цен на нефть. Например, в прошлом году цена на нефть как на американских горках сначала выросла до 140 долларов, а потом резко упала почти до 40 долларов. Это конечно все оказывает влияние. Также сейчас в мире развертывается борьба за энергетические ресурсы. Кроме того существуют такие проблемы как проблема продовольственной безопасности, изменение климата, экологическая безопасность, информационная безопасность. Они привлекают все большее внимание.

Теперь я хотел бы остановиться на тенденциях мирового развития. Первое, можно сказать, что есть надежда, что будет сохраняться общая стабильность, относительная стабильность в сфере мировой безопасности, т.е. большинство стран достигло консенсуса, что можно решать проблемы и противоречия с помощью переговоров и консультаций. Хотя частные конфликты, локальные конфликты продолжаются, но не видно, я считаю, что это не приведет к большой войне. Поэтому общая ситуация мирная в мире будет продолжаться. Так сказать частичная и частная нестабильность и неопределенность будут существовать и развиваться, и из них могут быть рождены новые военные конфликты. Кроме того, нетрадиционные вызовы безопасности будут более явственными.

Второе. Будет обостряться конкуренция между странами и будет углубляться тенденция к становлению многополярного мира. Хотя сейчас будет улучшаться ситуация, т.е. серьезнейшие диспропорции в структуре международных отношений, которые сложились после окончания холодной войны, постепенно будут устраняться, хотя Америка со своей реальной силой будет оставаться на первом месте в мире, но другие важнейшие державы мира увеличат свой относительный вес и сократят отставание от возможностей Соединенных Штатов.

Третье. Будут изменяться и модифицироваться отношения между крупными мировыми державами, т.е. экономическая, политическая независимость будет увеличиваться. Страны будут опираться друг на друга в их политике. Кроме того, я считаю, что роль ООН и роль региональных международных организаций повысится. И механизм урегулирования, консультаций между этими крупными мировыми державами позволит им усилить свое понимание взаимных интересов, противостоять различным глобальным вызовам. Поэтому в некоторых отношениях мировые конфликты, конкуренция обострятся. Я даже не исключаю возникновения локальных войн и конфликтов, но в общем тенденция эта будет на сотрудничество, на взаимную опору, на взаимные договоренности.

Четвертое. Углубляется не только экономическая глобализация, но и развивается региональное экономическое сотрудничество. И происходит оптимизация структуры экономики, промышленности, капитала в глобальном масштабе. В производстве, разработках, развитии рынков труда будут усиливаться глобальные тенденции. Сейчас можно предвидеть, что и в мировой экономике будет доминировать тенденция установления многополярности. Соединенные Штаты не будут единственным локомотивом мировой экономики, в ней всё большую роль будут играть другие регионы. Мы видим, что в условиях экономического кризиса обостряются противоречия, с другой стороны возникает необходимость сотрудничества для разрешения этого кризиса. Т.е. с одной стороны нужно сотрудничать, с другой усиливается тенденция протекционизма. Увеличивается разрыв между Севером и Югом. Здесь по-прежнему для развития мировой экономики существует много опасностей.

И последняя тенденция, это возрастающая роль научно-технического прогресса в развитии мировой экономики. Можно сказать, что НТР не только важнейшая производительная сила, но это также важнейший фактор изменения структуры экономики. Сейчас наступает новый этап научно-технической революции, используются новые изобретения для развития производительных сил. Изменяются сами методы производства. Наступает революционный прорыв. Процесс этот, эта тенденция сегодня убыстряется. Происходят новые открытия и прорывы. Например,

информатизация стала сильнейшей движущей силой изменения технологии производства, распространения знаний. Наука о жизни и биотехнологии — они улучшат и повысят уровень жизнь человечества.

Новые источники энергии оказывают сильнейшее влияние как на традиционные источники энергоносителей, так и на экологию. Новые материалы, новые лекарства. Наука о космосе увеличивает наши знания о ресурсах космического пространства, их использовании. Исследования в фундаментальных областях знания приводят к познанию новых законов развития человечества, продвигают развитие науки, техники и экономики. Поэтому роль науки и техники в развитии мирового хозяйства будет увеличиваться. Она позволит повысить совокупные силы многих стран, станет точкой внимание всего мира, фокусом внимания. Поэтому сейчас администрация Соединенных Штатов вкладывает огромные средства в развитие науки и техники. В то же время и новые страны, новые рынки, развивающиеся страны также уделяют огромное внимание развитию науки и техники. И благодаря этому мы добьемся еще большего прогресса в этой области. И таким образом можно предвидеть, что в этом веке развитие государства, развитие его реальных сил, развитие экономики очень во многом будет зависеть от развития науки и техники в этой стране.

Хотел бы на этом закончить. Спасибо за внимание.

— Сюн Гуанкай. Мы заслушали все запланированные доклады, наступило время для их обсуждения. Докладчики высказали интересные мнения. Первое это крушение мифа об однополярном мире. Мир уже превратился в многополярный или он находится в переходной стадии? Каким он может стать в будущем?

Второй момент, центр тяжести мировой экономики, судя по намечающимся тенденциям, может ли он переместиться из европейского, атлантического региона в регион АТР? Если этот процесс уже идет, до какой стадии он уже дошел?

Третий момент. Как оценивать степень серьезности мирового финансового кризиса, спровоцированного американским кризисом? Потому что три докладчика уже сообщили, что не нужно думать, что это такой уж серьезный кризис и даже его нельзя связывать с великой депрессией 1929 года.

Четвертый момент — это вопрос ядерной угрозы. Будет ли умножаться ядерная угроза со временем?

Пятый момент. Сегодня спад, с которым сталкиваются наши страны, каково будет влияние кризиса и спада на правительство Обамы? Будет ли это оказывать какое-то стратегическое или политическое влияние?

Следующий момент. Если говорить о Китае и России, то они тоже стоят перед лицом экономического, политического кризиса. И вопрос о том, как он развивается, как усиливает наше экономическое, политическое партнерство. Г-н Арбатов упомянул, говоря о сотрудничестве наших стран, что мы имеем проблемы Крыма и тайваньскую проблему, которые могут породить очень опасные угрозы. И как их нужно решать.

Но есть и другие вопросы, которые можно перечислить. Мы могли бы высказаться по другим вопросам, если они вызовут наш интерес.

Для первого выступления предоставляю слово господину Кокошину.

— Кокошин. Нам действительно с нашими китайскими друзьями надо определить и основные возможности, которые для нас открываются, и основные проблемы и опасности, которые может представлять та новая обстановка, в которую мы безусловно вступили последнее время.

Если говорить о конфликтных и кризисных ситуациях, то в дополнение к тому, о чем говорили мои коллеги Арбатов и Иноземцев, я бы предложил сосредоточить внимание на проблеме, так скажем, Афганистан—Пакистан, где явно идет шаг за шагом эрозия того режима, который сложился там после того, как туда вошли силы НАТО, и США там взяли на себя ответственность. Эрозия наблюдается и в политической обстановке Пакистана. Мы знаем, что у наших китайских друзей особые отношения с Пакистаном всегда были и есть. Это хорошо. В данной ситуации это полезно. А нам сейчас необходимо вместе выработать отношение к той политике, которую будут осуществлять США и НАТО дальше в Афганистане и применительно к Пакистану, по крайней мере к северной его части, граничащей с Афганистаном. Мы вполне

можем предполагать расширение масштабов операции США и НАТО в Афганистане и возможно даже усиление присутствия и развития некой инфраструктуры военной в Афганистане.

До последнего времени США там проводили с натовскими государствами весьма своеобразную политику. Они решили избежать ошибок, которые сделал Советский Союз, войдя в Афганистан. Они захватили контроль только над некоторыми, как они полагали, важнейшими пунктами, минимизировали там свои военные контингенты, сделали ставку на высокие технологии, используемые в боевых действиях. И спецоперации конечно. Не проводят масштабных войсковых операций в отличие от того, что делал Советский Союз.

Мы сейчас в преддверии расширения масштабов операции США и НАТО в Афганистане. Это расширение затронет и Пакистан. Нам следует определить свое отношение. С одной стороны ни вам, ни нам не хочется вместо американцев или натовцев влезать в Афганистан. Никому туда никогда не хочется. Мы уже там были. Вы еще не были. Но с другой стороны нам не очень хочется, чтобы там усиливались американские позиции, если они там достигнут каких-то больших успехов. А мы имеем достаточно данных относительно того, что там действительно с сокращением присутствия американского в Ираке мы можем иметь наращивание американского военного присутствия в Афганистане и на резкую интенсификацию боевых действий. В т.ч. разрабатываются вопросы и нанесения ударов по крупным производителям наркотиков.

Недавно руководитель Госнаркоконтроля России, Виктор Петрович Иванов, заявил, что Афганистан превратился в главную угрозу с точки зрения поставки наркотиков в Российскую Федерацию. До этого большая их часть шла транзитом в Европу, а меньшая часть их достигает обычно Соединенных Штатов. Я думаю, что практически ничего, надеюсь, не попадает в Китай. И Соединенные Штаты долгое время отказывались проводить какие бы то ни было операции против афганских наркобаронов, поскольку они дали этим наркобаронам определенную власть в свое время для того, чтобы не брать слишком много на себя ответственности и не увеличивать свое военное присутствие. Но масштабы производства наркотиков, масштабы доходов, которые получают наркобароны в Афганистане, давно превысили объемы тех денег наличных, которые им одна почтенная американская спецслужба каждый месяц носила в чемоданчиках. И сейчас они стали настолько автономны от американских спецслужб, что они стали тоже проблемой даже политической и военно-политической. Поэтому мы можем ожидать этих вот операций, которые в общем-то будут нам выгодны, но чем это обернется в случае того или иного успеха, мы должны об этом подумать и обсудить в частности и в рамках и Шанхайской организации сотрудничества, и с нашими индийскими друзьями.

Надо, кстати, не забыть и иранцев у которых тоже очень специфическая позиция по отношению к Афганистану. Но во всяком случае, я помню очень хорошо, я сам вел переговоры с иранцами. Их линия в Таджикистане в свое время, когда они были нашими противниками и распространяли там свою версию исламского фундаментализма или экстремизма. Потом, когда талибы появились уже в непосредственной близи от иранской границы, они стали чуть ли не нашими союзниками. И очень быстро нам удалось договориться с таджикской оппозицией, которую они вырастили у себя в Тегеране, чтобы она не лезла. И в Таджикистане был установлен полностью светский режим. Вот такая у нас очень сложная конфигурация.

Кстати, иранцы очень негативно относятся к перспективам получения ядерных боеприпасов пакистанских экстремистскими группировками в Афганистане. А надо помнить, что здесь еще есть один треугольник, еще одна конфигурация, я упомяну, о которой мы должны постоянно думать. Эта проблема очень крупная, так же как проблема нестабильности в Пакистане. Она тесно связана с Афганистаном. Это проблема получения доступа к ядерным боеприпасам Пакистана либо негосударственными организациями экстремистского толка, исламскими экстремистами, либо приход к власти в Пакистане тоже исламских экстремистов, которые в рамках государственной власти, в рамках государственной ситуации будут более агрессивно себя вести на предмет политического использования ядерного оружия.

Наши китайские друзья правильно упомянули, мы должны следить за тем, что происходит в пакистано-индийских отношениях. Эти постоянные всплески напряженности, даже когда они стали ядерными державами, по крайней мере на моей памяти было три таких инцидента.

И если говорить об иранском угле здесь применительно к ядерной проблеме, я думаю, что Иран очень близок к получению собственного ядерного оружия. То количество низко обогащенного урана, которое у них есть, и его доведение до уровня, который будет позволять производить неэффективный, но тем не менее ядерный боеприпас, в общем уже всё крайне близко к этому. 10—15 боеприпасов они могут произвести. И мы должны понимать, что сразу же, видимо, очень близко к приобретению ядерного оружия будет стоять Саудовская Аравия. По тем данным, которые есть, и они не такой уж большой секрет, Саудовская Аравия в свое время спонсировала пакистанскую ядерную программу. И вроде бы есть договоренность о том, что просто часть своих боеприпасов и носителей пакистанцы за те миллиарды долларов, они нефтью

им давали, а не деньгами, ни кэшем, бартер такой. Если Иран становится ядерной державой, тут же Саудовская Аравия получает 10 боеприпасов. У пакистанцев-то оценка, по-моему, 50-60 боеприпасов есть, обеспеченных средствами доставки. За этим мы должны следить. Это будет совершенно новая конфигурация. Как управлять такой конфигурацией не знает никто, даже теории нет. Я предлагаю нам с китайскими коллегами разработать хотя бы теорию обеспечения стратегической стабильности в такой многоугольной конфигурации. Спасибо за внимание.

— Сюн Гуанкай. Господин Кокошин предложил нам очень интересный взгляд на проблемы Ближнего Востока и Центральной Азии. Эти проблемы мы будем подробнее обсуждать в дальнейшем, а сейчас просим сосредоточиться на теме нашей первой сессии. Господин Караганов сможет выступить после перерыва на кофе. А сейчас попросим Чжу Гаофэна ответить на заданные ему вопросы.

— Чжу Гаофэн. Спасибо за интересные вопросы. Вопрос об энергоресурсах. Весь мир усиливает исследования по этим вопросам по таким направлениям, как возобновляемые энергоресурсы (приморские страны такие, например, как Китай еще не полностью используют наш возобновляемый гидроресурс), новые альтернативные, нетрадиционные источники ресурсов. В свое время администрация Буша потратил очень большие средства на развитие биотехнологий. Это очень важная тематика. Она повлияла, например, на развитие продовольственного кризиса. И от этого зависит решение проблемы бедности в мире. Я думаю, что администрация США будет и дальше продолжать усилия в этом направлении.

Китай также направляет свои силы на развитие биотехнологий, но в качестве сырья мы используем не зерно, а другие культуры.

Третье, мы использовали в энергетике силу ветра. Очень большой успех достигнут в разработках. Сейчас Соединенные Штаты и Китай развивают ветряные генераторы, построили уже довольно крупные энергостанции, работающие на ветре, особенно в западных районах. Я считаю, что они доведут долю этих станций до определенной степени и дальше остановятся, поскольку это все-таки недостаточно стабильный источник энергии. Поэтому для обеспечения работы всей электросети энергия ветра недостаточно стабильна.

Другие направления. Вопрос атомной энергетики. Об этом г-н Арбатов говорил, что ожидается тенденция к увеличению доли ядерной энергетики в мировом энергобалансе, например, до такого уровня, как во Франции. Но здесь существует проблема безопасности самой ядерной энергетики. Поэтому здесь много вопросов, но я считаю, что здесь не существует проблем технической безопасности. Но есть влияние на безопасность других, внешних факторов. Это действительно существует. Поэтому это другой вопрос.

И еще огромный потенциальный источник энергии это энергия Солнца. Это вопрос тут уже не технологический, а чисто технический. Если бы цены на нефть держались на высоком уровне, солнечная энергетика получила бы очень быстрое развитие. Но сейчас цены снизились, поэтому ее развитие несколько замедлилось. Но все равно всё зависит от себестоимости солнечной батареи. Если она будет снижена, я считаю, будет прорыв. Когда это будет осуществлено, когда новые источники энергии заменят традиционные, трудно сказать. Но в Соединенных Штатах есть такое мнение, что они постепенно должны уйти от опоры на внешние источники энергоносителей и опираться только на свои силы. Это план у них такой великий. Поэтому сейчас как раз работа большая проводится по всем этим направлениям.

Я считаю, что два основных магистральных направления будут в энергетике. Это энергия Солнца и новейшие технологии атомной энергетики. Но сколько лет на это может уйти, я затрудняюсь сказать. Поживем — увидим. Кроме того, Соединенные Штаты будут вкладывать средства в исследования в области биотехнологий и информационных технологий.

— Сюн Гуанкай. Спасибо. Перерыв на кофе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОГО ЗАСЕДАНИЯ

— Сюн Гуанкай. Продолжаем нашу работу. Господин Караганов выскажет несколько замечаний.

— Караганов. Хочу сам поставить для обсуждения несколько вопросов и призываю всех нас ставить вопросы, чтобы мы не только произносили свои монологи. Перед тем, как выступить я хочу еще раз всем нам напомнить, что наш семинар — это также совместное предприятие Совета по внешней и оборонной политике и РИА «Новости» в рамках общей программы, которую мы уже проводим пять лет, диалога с интеллектуальными лидерами мира, так называемого «Валдайский дискуссионного клуба».

А теперь я поставлю несколько вопросов, выскажу несколько точек зрения. Первое. Я хотел бы, чтобы и китайские, и российские друзья высказались по поводу политической влиятельности в будущем мире Европы. Это очень существенный момент для России и, думаю, что он существенный момент для мира. И у нас есть разногласия. При том, что все мы хотим успеха европейскому проекту, но часть российских специалистов считает, что в обозримом будущем и в результате кризиса, и без кризиса политическое влияние Европы будет слабеть. Это очень существенный вывод, который нам было бы интересно сравнить с размышлениями наших китайских друзей.

Второй пункт. Мне кажется, что в наших первоначальных выступлениях мы недооценили роль и глубину нынешнего кризиса. Я согласен с тем, что никто не знает, насколько глубоким будет экономический кризис. И был бы рад, если бы действительно через год мы начали из него выходить. Но я напоминаю, что этот экономический кризис наступил на фоне кризиса системы управляемости, ослабления многих международных институтов. Этот кризис наступил на фоне фактически в известной степени интеллектуального кризиса, поскольку прежние модели мышления о будущем мире перестали работать. Это были в основном западные модели, но мы их восприняли, модифицировали, но они явно уже проваливались и до кризиса. Образовался, таким образом, некий интеллектуальный вакуум еще и до экономического кризиса. И в этой связи, если считать, что экономический кризис и кризис экономических идей, которые лежали в основе развития, лег на политический кризис и на кризис идей, которые лежали в основе развития международной системы, мы имеем системный кризис. И я не хотел бы всех нас пугать, но не надо его недооценивать. Я хотел бы выслушать мнения, которые мне противоречат.

Третий пункт. Мне кажется, что мы может быть недооцениваем еще одну тенденцию, которая нарастала и будет нарастать в течение следующих лет. Речь идет о новой ценности территории. Традиционно за последние 20—30 лет мы считали, что территории, контроль над территориями играет гораздо меньшую роль и уменьшающуюся роль. Сейчас в связи с по крайней мере двумя небольшими обстоятельствами — сокращением доступа целого ряда стран и народов к запасам пресной воды (в первую очередь для нужд сельскохозяйственного производства), а также в связи временно прервавшимся, но возобновленным в обозримом будущем роста спросом на энергетические ресурсы и на природные ресурсы, мы можем столкнуться с новой тенденцией борьбы за территорию. Это в свою очередь может изменить подходы к роли военной силы.

Сейчас мы видим, что появилось африканское НАТО. Мы видим, что пытаются создать и арктическое измерение НАТО, энергетическое НАТО. Я не хочу обвинять НАТО. Это общая тенденция. НАТО пытается приобрести новые функции, которые, кстати говоря, все связаны в первую очередь с обеспечением доступа к или контроля над определенными территориями.

Напомню вам с моей точки зрения исторический эпизод, произошедший некоторое время тому назад. Россия, чтобы показать, что она восстанавливающаяся страна, послала подводную лодку и установила флаг, сделанный из платины, подо льдами Северного полюса. Мы все улыбались — красивый жест. А этот жест вызвал очень сильную, непонятную даже реакцию о том, что разворачивается чуть ли не борьба или может быть даже военно-политическая борьба за не существующие, возможно, ресурсы, находящиеся подо льдами Северного Ледовитого океана. Я говорю пока только о тенденции, но ее нужно иметь в виду.

Четвертый пункт. Сегодня многие из нас заявили о том, что система международной управляемости находится в удовлетворительном состоянии, и что тенденция к сотрудничеству будет преобладать. Так ли это? Если она будет преобладать, слава Богу. Но я пока не вижу преобладания тенденции к сотрудничеству, кроме как в отношениях России и Китая, во многих двухсторонних отношениях. Я вижу ослабление старых международных институтов. Я вижу, что G-8, к которому очень скоро будет, наверное, если захочет, привлечен Китай, является, не будем этого скрывать, клубом и больше ничем оно не является. G-20, которое сейчас создается, и мы видели прекрасно результаты первого мероприятия, и мы увидим через несколько дней результаты второго мероприятия. Там происходит некое словесное успокоение друг друга. Никаких решений там не было принято ни тогда, не будет принято сейчас. Это очевидно. Будем надеяться, что мы просто не придем к общему мнению о том, что нужно сказать, что король голый, и что у нас ничего не получается. Но в G-8 даже нет серьезных предложений, наскольку мы знаем, которые могли быть приняты.

Наконец наши западные коллеги, а это с одной стороны европейцы, с другой стороны американцы, и я не хочу их ругать, будут делать всё, чтобы не менять систему экономического управления миром, которая была построена под ними. Это не значит, что новые страны должны жестко настаивать на изменении этой системы. Во время кризисов, и тут я согласен с китайскими коллегами, резко менять систему управления ни в коем случае нельзя, но, тем не менее, иметь в виду вакуум в системе управления необходимо.

И последние полтора вопроса. Первый. Я, к сожалению, не соглашусь с Алексеем Арбатовым в том, что Иран не только не должен получить, но и не получит ядерного оружия. Я считаю, если он не получит ядерного оружия, это будет чудом. Мы упустили время. В первую очередь наши американские коллеги упустили время. Я не вижу возможности того, чтобы иранцы либо не создали полный ядерный цикл, либо не получили ядерное оружие. Если американцы в ближайшие 2, 3, 4 года вряд ли будут наносить удар по ядерным объектам, который, как мы знаем, будет малоэффективным, я думаю, что только из совершенного отчаяния это могут сделать израильтяне в порыве национального самоубийства. Соответственно я вижу очень мало шансов для того, чтобы остановить ядерную программу Ирана уже сейчас. А это значит, что мы получим, скорее всего, хотя бы одну, а может быть две или три ядерные державы в регионе. И нам нужно думать совместно о том, как устанавливать систему многостороннего ядерного сдерживания, чтобы эта проблема не вызвала конфликты.

И последнее. И тут уже речь идет о как бы личной моей точке зрения, которую я не считаю, может быть, даже и правильной. Я не считаю, что нужно сокращать ядерное оружие России и Соединенных Штатов Америки. Лишнее ядерное оружие нам сократить нужно, которое неэффективное, бессмысленное и т.д. А что касается крупных сокращений ядерного оружия, то ядерное оружие является, к сожалению, в ситуации множественных вакуумов управляемости, пока единственным гарантом на какой-то промежуток времени осторожного поведения многих держав. Поэтому я надеюсь, что мы будем с американцами сотрудничать в ограниченном сокращении ядерных вооружений. Но я почти уверен, что никаких крупных сокращений а) не будет, и б) быть не должно. Это не означает, что мы будем стремиться к ухудшению отношений с Соединенными Штатами Америки. Но если наши американские коллеги предложат нам в демагогических и иных целях сокращение наполовину или на сколько-то, то думаю, что ничего из этого просто не получится.

— Сюн Гуанкай. Господин Караганов поставил шесть очень интересных вопросов. Прошу высказывать Ваши мнения. Пожалуйста, господин Адамишин.

— Адамишин. В этом выступлении я бы хотел сделать краткий комментарий только по одному вопросу — кризис. Прежде всего, перефразируя одного исторического персонажа, я скажу, 80 лет мы, марксисты старого поколения, ждали этого дня. Мы убедились, что все-таки старик Маркс что-то понимал в экономике и в циклическом развитии капитализма. Но, к сожалению, это торжество омрачается тем фактом, что мы находимся внутри системы, в отличие от прежних десятилетий, которая не дает тебе возможности от этого кризиса уйти.

Для России этот кризис был особенно тяжелым в силу, я думаю, следующих трех обстоятельств. Первое обстоятельство это сырьевая или нефтяная игла. Некоторые злые языки говорят, что цена на нефть обратно пропорциональна интеллектуализму, интеллектуальным способностям. Чем выше цены, тем ниже интеллектуальные способности. Тебе не нужно особенно думать ни о чем, деньги сами плывут в твой дом. Скажу здесь, кстати, что низкие цены на нефть тоже не очень хороши для всего мира, потому что они затрудняют в этом случае развитие альтернативных источников. Так что если мы вместе с китайцами постараемся, хотя у нас прямо противоположные здесь векторы, постараемся эту цену сделать, как сейчас говорят, справедливой, порядка 70 долларов за баррель, то это будет на пользу обеим.

Вторая причина это неразвитость финансовой системы России. Эти годы с точки зрения создания эффективной экономики были затрачены впустую и в том, что касается финансовой системы. Большинство кредитов нашими банками выдаваемых были на 3 года. Большинство. Вы не сможете за 3 года никакую программу модернизации осуществить. Следовательно, люди шли за деньгами на Запад, за рубеж, в Европу, в США, а сейчас получаются огромные корпоративные долги. Если наше государство рассчиталось с государственным долгом, то корпорации накопили долги, изменяемые сотнями миллиардов долларов, за которые сейчас придется в значительной степени расплачиваться государству.

И третья причина это bad management, плохое управление. Россия с этой точки зрения не единственная. Bad management наблюдался по всему миру. И тот же американский пузырь был связан с этим. Да и то же отсутствие глобального управления мировыми процессами.

Как долго продлится кризис? Я скорее думаю так, как говорил сегодня Сергей Караганов. Он продлится, и мало кто знает сколько, ибо две вещи требуется для того, чтобы выйти из этого кризиса, по большому счету. Первая — сдуть финансовый пузырь, который накопился. А он измеряется триллионами долларов. И никто не знает, сколько этих заразных, как сейчас говорят, денег, инфекционных, накопилось. И второе — выход из кризиса может осуществиться только при увеличении доверия. Доверие сейчас подорвано полностью по всему диапазону. И то, что говорит Бернанке, мол, в конце туннеля уже есть свет, и то, что говорит Шувалов, что мы прошли низшую точку кризиса уже, это направлено, я думаю, не столько на то, чтобы дать реальное изображение фактов, сколько попытаться это самое доверие поднять.

Одновременно, это уже общее место стало, кризис дает уникальную возможность перестроить экономику. И перестроить экономику можно только на основах технологического прорыва, инновационного прорыва. В этом отношении, к сожалению, наша страна очень сильно отстала.

Я приведу бытовой пример. Несколько дней назад был я в Италии, в городе Милане. И что на меня произвело наибольшее впечатление, это строительство дома, который на 20 лет по гарантии сам себя обеспечивает. Ему не нужно подключаться к электроэнергии. Ему не нужно подключаться к водопроводу. Ему не нужно подключаться к газу. Он на автономном режиме. Солнечные батареи дают достаточную энергию. Вода превращается в замкнутый цикл. И что меня поразило, может академик Чжу знает, но для меня это было открытие. Если вы зарываете обыкновенную железную трубу на 100 метров в землю, то за счет разницы температур вы получаете то тепло, то холод. О таком, думаю, у нас даже во снах не мечтают.

В этой связи я заканчиваю вопросом к товарищу Чжу. Насколько Вам известно, есть ли между нашими странами сотрудничество по новым технологиям? Меня тоже не особенно прельщает перспектива, как и друга Иноземцева, чтобы мы стали только сырьевым придатком растущего Китая. Мой вопрос заключается как раз в этом. Научились ли мы чему-то за это время кризиса или все еще нет?

— Чжу Гаофэн. Господин адамишин высказал мнение относительно долговой ситуации, которая есть во всем мире. И пример, который был приведен, про сбережение и эффективное использование энергии, такие образцовые модели существуют в разных странах, в т.ч. и в Китае. Тут на первый план выходит вопрос стоимости подобных технологий. Конечно, важны и образцы, так сказать пилотные проекты. В Израиле, например, каждый дом имеет солнечные батареи, которые экономят тепло, электроэнергию, нагревают воду. Там все очень простые технологии. Их можно и в частном порядке использовать, и в коммунальном, общественном. Но в масштабах всего общества, конечно, это пока не вполне вероятно. Конечно, мы можем сотрудничать в этой области.

Если говорить про сотрудничество наших стран, у нас было в прошлом очень много проектов сотрудничества в технической области. Сейчас тоже продолжается некоторое техническое сотрудничество. Но я лично считаю, что оно недостаточно. И Китай может научиться в России очень многому в техническом плане. Очень много фундаментальных технических разработок существует в России. Китай вступил в эпоху рыночной экономики. И китайские ученые активно ведут прикладные исследования. Но фундаментальные исследования в прошлом были более слабыми.

В России до сих пор существуют очень хорошие ученые, которые делают уникальные технические разработки. Конечно, есть и прикладная техника, технология. Поэтому, я думаю, надо усиливать сотрудничество в этом техническом плане. И наши ведомства будут вносить свой вклад в это сотрудничество.

— Сюн Гуанкай. Поддерживаю то, что сказал товарищ Чжу Гаофэн. Наши страны имеют очень большую дополняемость в плане возможностей технического сотрудничества. Китай может научиться многому у России в области науки и техники. Прикладные моменты полезны для России, т. е. можно создавать взаимовыигрышную ситуацию.

— Чжу Гаофэн. Хотел бы добавить. Последние годы был определенный прогресс. Я, например, занимаюсь связью. У нас есть самая крупная в мире и в Китае сеть связи. Там несколько десятков крупных компаний, включающих стационарные телефоны, мобильные телефоны, в количестве более миллиарда штук. Часть из них произведены в самом Китае, но и в плане производства и эксплуатации, если Россия имеет интерес, мы могли бы сотрудничать в этой сфере. Это хорошая основа для нашего сотрудничества.

— Ван Хайюнь. Я хочу поговорить о более конкретном вопросе. Речь пойдет о так называемой системе G-2 — о совместном управлении миром США и Китаем. Это привлекает большое внимание. Я видел в прессе российской, что появились сомнения по этому поводу. Есть ли вообще перспективы осуществления такого взаимодействия между Китаем и Соединенными Штатами. Я бы хотел поделиться своим мнением по этому поводу. В Китае и в Америке выступают за это только очень небольшое количество людей. Что это будет значить, будет трудно сказать. В Китае, и в научных кругах, и среди политиков очень мало людей считают это реальной перспективой. Китайцы не верят в это. Полагают, что Соединенные Штаты обманывают Китай, чтобы Китай помог Соединенным Штатам выйти из кризиса. Поэтому если действительно мы создадим такой союз, то Китай будет только младшим братом Соединенных Штатов. Мы очень хорошо восприняли урок, который был преподан России в ее отношениях с Соединенными Штатами. По крайней мере я не верю в это [G-2] и мы не верим в это. У нас не может быть равенства. Это первое.

И второе. Мы четко осознаем, что Китай — развивающаяся страна. И многие миллионы китайцев живут ниже черты бедности. Чтобы достичь уровня среднеразвитой страны, нам еще понадобится несколько десятков лет. Как мы сможем управлять миром совместно с Соединенными Штатами? Это совершенно не отвечает коренным интересам Китая и китайского народа.

Третье. Отношения США и КНР. Мы стремимся к конструктивным отношениям и взаимовыгодным отношениям. Если есть расхождения, то нужно их решать путем переговоров и урегулирования, нужно добиться стабильности отношений. В этом состоит наша цель, а не в сближении с США. Это не отражает реальности Китая, не отражает реальные интересы Китая. Китай и Соединенные Штаты, хотя у нас существует общность интересов по некоторым вопросам, но очень по многим вопросам, особенно по крупным, стратегическим вопросам расхождения между нами очень сложно разрешить. Например, вопрос Тайваня. Американцы ни в коем случае не отказывались и не собираются отказываться от использования Тайваня в качестве авианосца. Это влияет на великое дело объединения нашей страны. Действия Соединенных Штатов в этом отношении не прекратятся. Я думаю, если Соединенные Штаты только не откажутся от идеи однополярного мира, это противоречие трудно будет разрешить.

Сейчас взаимозависимость экономики между нашими странами увеличилась. Мы покупаем американские ценные бумаги. Наши товары поставляем на американский рынок. И это очень невыгодно для Китая, поскольку современный экономический мировой порядок не противоречит нашим интересам. Поэтому здесь тоже существуют очень сильные противоречия. По этим вопросам в ближайшее время не предвидится крупных подвижек. В то же время возникает вопрос прав человека. Здесь тоже существуют расхождения.

Вопрос Тибета, Тайваня здесь постоянно возникают проблемы. Китай выступает за многополярный мир. Соединенные Штаты выступают за однополярный мир. Мы выступаем за действия через международные организации, в том числе ООН. Американцы в международной политике действуют односторонне. И везде такие столкновения интересов и противоречия будут продолжаться между США и Китаем еще очень долгое время. Поэтому высказывания о том, что Китай с Соединенными Штатами может управлять миром, это нереально и невозможно. Поэтому Китай не будет ослаблять свои связи со своими стратегическими партнерами. Не будут ослаблять своих связей с широким кругом развивающихся стран. Это будет не мудрый выбор. Поэтому выдуманную в Соединенных Штатах из каких-то пропагандистских соображений идею G-2 не нужно считать какой-то реальной идеей. Я считаю, что в России должны по этому поводу иметь совершенно точное представление и отбросить иллюзии.

— Дворкин. Для меня сегодняшний семинар чрезвычайно интересен прежде всего потому, что у меня ограничен опыт контактов с нашими китайскими коллегами. Если не считать того, что 50 лет назад основным помощником при подготовке мною дипломного проекта была книга Цянь Сюэсэня[1] «Техническая кибернетика». Я не уверен, что все китайские коллеги, особенно молодые, знают это имя, но это, я считаю, в Китае великий ученый, который оказал очень сильное влияние на развитие китайской науки и техники и военного потенциала.

В конце прошлого года мне пришлось впервые быть в Пекине и вообще в Китае на конференции по военной реформе. То, что я увидел там, если я скажу, что это произвело

---

[1] Цянь Сюэсэнь (Qian Xuesen) —выпускник Массачусетского и Калифорнийского технологических институтов, руководитель Пятой академии, специалист по системам управления и кибернетике, отец космической и ракетной промышленности Китая, чьё 95-летию со дня рождения отмечалось в Китае в 2006 г.

сильное впечатление, я ничего не скажу. Я был просто потрясен тем, что увидел в Китае даже больше, чем услышал.

Отношения США с Китаем и к Китаю. Еще лет 15 назад мне пришлось часто проводить и участвовать в разных семинарах в Соединенных Штатах, среди военных в том числе. И тогда же меня удивило то, что военные американцы, которые занимались не только военными вопросами, но и политологией, везде я видел графики, на которых они чертили и определяли год, когда китайский ВВП, валовой продукт, достигнет уровня американского. И они расходились, разные военные, в сроках. Одни говорили, что это будет 2015—2018 год, другие — 2020 год. Разница была небольшая.

Меня всегда как-то настораживали формулировки, мне казались они достаточно простыми, может быть даже упрощенными, однополярный, многополярный мир. Мне кажется, что мир вообще-то всегда был многополярным. Просто один полюс был как Эверест, а другие где-то там пониже. Сейчас происходит изменение в размерах этих полюсов. Мне представляется, что Китай в перспективе ближайшей совсем подойдет очень близко к тому полюсу, во всяком случае по валовому внутреннему продукту. Это конечно не определяет положения в мире, потому что надо его оценивать не только по ВВП, но как правильно было сказано, речь идет конечно и о размерах валового внутреннего продукта на душу населения. Здесь еще не скоро будет заметный успех в Китае. Но по существу, по общему объему ВВП и по военному потенциалу Китай будет достаточно высоко стоять.

А будет ли G-2 — я думаю, это покажет только будущее. Сейчас, мне кажется, об этом преждевременно говорить.

Наш сопредседатель Сюн поставил вопрос в том числе о ядерных угрозах. Ясно, что ключевыми факторами, которые влияют на весь режим ядерного нераспространения, это, во-первых, невыполнение пятеркой ядерных государств своих обязательств по соответствующей шестой статье договора о нераспространении. А по этой статье они должны вести постоянные и открытые, подчеркиваю, открытые переговоры по сокращению своих ядерных вооружений. Второй ключевой фактор — это иранский ядерный кризис. И третий — северокорейский. Это основные угрозы режиму ядерного нераспространения.

Так вот, по первому фактору, если Россия и США длительное время не вели переговоров, то они, во всяком случае, и это было очевидно, сокращали свои ядерные потенциалы. Великобритания и Франция, как и Китай, всегда говорили, что они не будут участвовать в переговорах ввиду большой разницы ядерных потенциалов. Но ядерная политика Великобритании и Франции всегда была открытой, и не только текущая, но и перспективная ядерная политика. И наиболее закрытой ядерная политика всегда была и остается китайская ядерная политика. У меня есть сильные сомнения в том, что помимо отрицательного влияния на устойчивость договора о нераспространении, это вообще говоря, полезно и для Китая, это моя точка зрения. Потому что всегда неопределенность или незнание в ядерной политике какой-то страны приводит к тому, что оппоненты или конкуренты компенсируют это незнание избыточными ядерными силами. Так они стараются компенсировать незнание, это отсутствие информации.

Мне пришлось как-то беседовать с одним бывшим директором ЦРУ в США и бывшим помощником президента по национальной безопасности. Они говорили, что наши военные опасаются сократить свои ядерные стратегические силы ниже 2000 боезарядов прежде всего потому, что они опасаются того, что Китай может очень близко подойти, а может и превысить эту цифру. Поэтому они не хотят дальше сокращаться. Я считаю, что это оказывает отрицательное влияние как на устойчивость режимов ядерного нераспространения, так и на политику сдерживания ядерного Китая. Потому что для того, чтобы сдерживание было достаточно эффективным, надо чтобы его все видели, возможность реализации этого сдерживания и видели перспективы в этом отношении. Я понимаю, что все эти вопросы носят достаточно такой виртуальный характер, но тем не менее они имеют место в политике государств всех ядерных. Для меня до сих пор не понятно, чем руководствуется руководство Китая, простите за тавтологию, когда по существу не открывает свою ядерную политику, и что дальше будет в этом отношении — я хотел бы услышать от наших китайских коллег. Потому что ядерное сдерживание все-таки еще, к сожалению, будет оставаться серьезным фактором, оказывающим влияние на стабильность.

В какой-то степени ядерное сдерживание оказывает влияние на отношения Индии и Пакистана в связи с этим замороженным конфликтом вокруг Кашмира. И мне также хотелось бы знать отношение наших китайских товарищей, как они видят угрозу со стороны, например, противоракетной обороны США в этом регионе, поскольку США не только сами оснастили почти два десятка своих кораблей по существу стратегической системой «Иджис» с противоракетами Стандарт-3, но уже два японских эсминца оснащены этой системой. И еще два будут оснащены. А

то, что это крайне избыточно для парирования каких-то ракетных угроз со стороны Северной Кореи, очевидно. Мне представляется, что основная направленность этой системы в этом регионе имеет место против китайских ядерных сил. И у американцев уже сейчас появились работы, где они детально исследуют скрытность и возможность поражения китайского ядерного потенциала с мобильными ракетами Нонфен-31. Это их как-то озаботило почему-то. Они изучают буквально все характеристики этой системы, рассредоточенность этого ракетного комплекса. Мне бы хотелось получить ответы на эти вопросы.

— Сюн Гуанкай. Я понимаю, что выступивший сейчас наш российский друг — это военный специалист, поэтому немного расскажу об этой политике. Я был заместителем председателя Генерального Штаба НОАК в течение шести лет, поэтому скажу несколько слов о политике в области ядерного вооружения Китая.

Первое. Китай совершенно ясно и открыто выступает против распространения ядерного вооружения. На шестисторонней конференции по вопросу северокорейского ядерного оружия мы принимаем общественную озабоченность. Мы выступаем против создания ядерного оружия в Северной Корее, так же, как и в Иране. Мы тоже активно принимаем участие в конференции 5 плюс 1, чтобы решить миром этот вопрос.

Второе. Китай выступает также с ясной политикой в области системы противоракетной обороны США. Это попытка изменения стратегического равновесия в мире. Поэтому мы открыто рассказываем об этой политике всему миру.

Третье. Количество ядерных боеголовок у Китая нельзя сравнить с их количеством у США и России. У вас по несколько тысяч, а у нас всего несколько сотен. Китай, Россия, как и Советский Союз, принял обязательство не применять первым ядерное оружие. Это три важных момента, которые должны понимать.

— Ли Цзинцзе. Я думаю, что китайские политические и академические элиты очень трезвые и хорошо понимают, какое значение имеет так называемое G-2. Мы хорошо знаем, что цели людей, который высказываются за G-2 заключаются, на мой взгляд, в двух моментах. Во-первых, чтобы просто поощрять Китай отдать побольше денег, чтобы спасти как можно быстрее США из кризисного положения. Во-вторых, чтобы Китай больше нес так называемую ответственность на международной арене и помогал США как можно успешнее выйти из такого положения, в которое США попали, например, в Ираке и Афганистане. Поэтому китайцы очень хорошо понимают и очень трезво оценивают этот вопрос [G-2].

Во-вторых, я хотел бы задать вопросы академику Арбатову. Только что вы напоминали, что существует опасность войны. Одна из них — это война из-за Крыма. Я согласен, это действительно самая большая потенциальная угроза безопасности. Мы хорошо видели, что после распада Советского Союза первым шагом стратегии Запада во главе с США стало как можно освоить восточноевропейские страны, бывшие союзные республики. Второй шаг — как проникновение на территорию бывшего Советского Союза. Как они говорят, без Украины не может быть Российской империей. Они стараются поддерживать страны, которые или антироссийски настроены, или держатся самостоятельно от России. Конечно, мы хорошо знаем, это проблема для России, которая имеет насущное значение.

Мой вопрос: в какой степени возможно вступление Украины в НАТО?

— Арбатов. Я отвечу на Ваш вопрос и хотел бы задать вопрос со своей стороны. Вступления Украины в НАТО Россия не допустит. Это мое твердое убеждение. Другой вопрос, что, если это превратится в раскол Украины, в расчленение фактически Украины и в Крыму, и в ее восточных областях, то это скорее всего будет сопровождаться применением силы. И здесь нельзя исключать и прямого столкновения между Россией и НАТО. Потому я и выделил это как одну из двух угроз большой войны. Все остальные угрозы, которые есть, включая Иран и даже Индия, Пакистан, это все-таки локальные конфликты, даже если они могут быть очень разрушительными, в частности между Индией и Пакистаном. Но это не большая война. Это не война между великими ядерными державами.

Тайвань, Крым, Севастополь — это единственная вероятность большой войны.

Но Россия уже продемонстрировала, что дальше расширяться НАТО на Восток она не позволит, вплоть до применения военной силы.

Другой вопрос, что, на мой взгляд, Россия далеко не все правильно делает для того, чтобы это предотвратить, потому что все время пытается об этом договориться с США, с НАТО. А ключ к этому вопросу на 90% в отношениях России с Украиной, в Грузией, с другими постсоветскими республиками. И здесь Россия, во-первых, делает далеко недостаточно, а, во-вторых, делает очень много неправильного. Хотя достижения тоже есть.

Я считаю, что Организация договора о коллективной безопасности относится к числу достижений политики России на постсоветском пространстве. Но наряду с этим есть очень большие и ошибки, и неправильная политика. Если Россия исправит эти ошибки, то, я думаю, что мы сможем вообще вопрос о вступлении Украины в НАТО снять с повестки дня, тем более что и НАТО после событий в Грузии, и новое руководство США, которое пришло в Вашингтоне, они вовсе не считают продолжение расширения НАТО важной целью своей политики.

Теперь вопрос китайским товарищам. У нас в России есть определенная часть политической элиты, стратегического сообщества, которая считает, что нашей важнейшей целью должно быть восстановление Советского Союза в той или иной форме, установление российского полного доминирования на постсоветском пространстве. Речь здесь не идет о руководстве страны, но в политических кругах, в средствах массовой информации, в политических партиях, в парламенте эта позиция очень сильна. И я ее отношу к тем ошибкам, которые совершает Россия в своей политике в отношении к соседям. Меня интересует, как Китай относится к этой линии? Как Китай оценивает, во-первых, реалистичность такой политики? И положительно или отрицательно Китай относится к такому направлению российской внешней политики?

— Ли Фэнлинь. Вопрос Алексею Арбатову. По поводу вступления Украины в НАТО. Позиция России здесь есть. Она показала, и силой показала свою позицию. Мой вопрос: как вы думаете, Соединенные Штаты и Европа, в особенности, понимают опасность подобного шага со стороны НАТО или нет? Потому что Россия уже показала, что у нее очень много рычагов для того, чтобы не допустить Украину в НАТО. И важнейший, наверное, аргумент для России это Крым, это Севастополь, потому что акт 1954 года, наверное, нелегитимен вообще-то. Практически это наследство Советского Союза, неисправленная ошибка, историческая несправедливость для России. Как, Соединенные Штаты понимают это или нет?

Теперь ответ на ваш вопрос: как Китай смотрит на страны на постсоветском пространстве. Мне кажется, тут есть два момента. Во-первых, мы в Китае понимаем, что Россия имеет особые интересы на этом пространстве, и что Россия пытается сохранить такое влияние, но только как цивилизационной общности, потому что все-таки эти страны стали независимыми государствами. Если признается этот факт, то Россия должна иметь политику в отношении с этими странами как с самостоятельными государствами с точки зрения правовой, с точки зрения международных норм отношений с этими странами. Вот мой ответ.

— Караганов. Добавлю к тому, что сказал Алексей Арбатов. Первое. Мало кому известно, что четыре года назад в Соединенных Штатах Америки было принято решение о быстром расширении НАТО. Оно должно было быть принято 2,5 назад на Рижской сессии НАТО. И об этом не знали ни китайские товарищи, ни европейские коллеги. К счастью, тогда это удалось остановить политическими методами. Но продолжение этой политики было. И с точки зрения последствий, то это не только сознательные решения России жесткие возможные на попытку еще одного расширения НАТО, и не только сознательные решения, но и практически автоматическое образование серии конфликтов на человеческом уровне, на уровне приграничных народов, которые сейчас фактически не имеют между собой границ. Сейчас сотни тысяч людей каждый день переезжают туда и обратно, и у них общие интересы. Это может стать неконтролируемой ситуацией, даже в случае определенной политики России. Я бывал в Ростовской области, в ряде других областей и видел, что это означает для местного населения. Это всегда оказывается несколько тысяч человек, которые начнут конфликт. Это первое.

Второе. О готовности США и Европы настаивать на расширении НАТО. Такая готовность существовала еще два года назад. Она была поколеблена в позапрошлом году у старых европейцев. И сейчас такой готовности на поверхности нет. Все говорят, что «Нет, никакого расширения НАТО». Но есть огромный нерешенный вопрос. И этот огромный нерешенный вопрос относится к проблеме, которую мы еще не обсуждали. Это проблема, условно говоря, европейской безопасности. В Европе осталась территория, которая является своего рода объектом стратегической борьбы. Это бывшие страны Советского Союза — Украина, Грузия, Закавказье, Молдова, Белоруссия и т.д. Эта проблема должна быть решена, и должна решаться в течение, по крайней мере, ближайших 5—6—7 лет. И она в принципе может быть решена.

Конечно, речь идет о том, чтобы неформально была признана зона ответственности России или особая зона интересов. Формально этого дожидаться очень трудно, но неформально этого можно добиться. В частности, на это нацелен целый ряд российских предложений, в т. ч. о создании новой европейской системы безопасности, полноправными членами которой с многосторонними гарантиями станут и все страны бывшего Советского Союза, которые сейчас не являются членами каких-либо блоков, будь то ОДКБ или НАТО. Это решит эту проблему. Мы думаем, что в принципе если мы будем спокойно и систематично работать, то к концу следующего десятилетия мы закроем эту проблему с помощью и новой системы коллективной безопасности, некоторые романтики типа меня предлагают и союз между Россией и Европейским Союзом с подключением к нему таких стран как Турция, Украина и другие, которые не имеют шансов войти в Евросоюз. Целый ряд такого рода предложений.

Проблема нерешенности или незавершенности «холодной войны» в Европе существует. И она сейчас обострилась. Но если два года назад на вопрос уважаемого посла Ли Фэнлиня, даже год назад, я сказал бы, что вероятность конфликта крайне высока, то сейчас я могу сказать, что вероятность конфликта резко упала, и что люди — грузины, осетины, русские, — которые погибли во время нападения Грузии на Осетию, возможно, погибли не зазря. Помогает моему оптимизму и мировой экономический кризис, который делает это соперничество старинное менее актуальным, менее важным. Но понятно, что проблема не решена. Думаю, что мы находимся ближе к ее решению, чем когда бы то ни было за последние 15—20 лет, особенно если сравнить ситуацию с ситуацией 4-летней давности, 2-летней давности и даже однолетней давности. Ситуация гораздо лучше. Она не является здоровой, но она выглядит гораздо более оптимистичной.

Что касается всяких высказывающихся мнений о необходимости восстановления российского жесткого доминирования на пространстве бывшего Советского Союза, то эти идеи, это я знаю довольно точно, были рождены из понимания того, что никакая гибкая линия в отношении западных партнеров не играет, поэтому нужно жестко столбить. Если у нас изменятся отношения [с Западом], то, я думаю, что подобного рода взгляды останутся как в любой нормальной стране, но они уйдут на третий план. Сейчас они находятся на втором плане, а они уйдут на третий план. Соответственно все будет зависеть от ближайших 4—5 лет, которые, как мне кажется, сравнимы конечно с 1944—1953 годами, когда создавалась целиком вся система нынешних международных отношений. Мы не можем рассчитывать, что в этот раз мы сможем создать ее за 4—5—6 лет. Я думаю, это займет 10 лет, но, тем не менее, мы находимся именно в этой точке, когда уже более-менее понятно куда двигаться. Это, конечно же, будет относиться и к финансовой системе, и ко всем остальным.

— Ли Фэнлинь. По поводу расширения НАТО есть у меня одна мысль. Мне кажется, что в свое время это была ловушка, которую расставили американцы для Европы. Потому что безудержное расширение в последние годы и даже расширение Евросоюза совсем не выгодно для Европы в целом. Смотрите, что делается в Евросоюзе. Там же хаос. И оттуда старая и новая Европа. Поэтому мне кажется, что Европа, особенно может быть старая Европа, начинает понимать ненужность, неполезность вражды с Россией. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, такая тенденция просматривается. Поэтому с этой точки зрения, мне кажется, для России есть смысл работать именно с Европой, со старой Европой, чтобы прекратился этот проклятый процесс расширения НАТО. Куда еще расширяться? Что такое НАТО вообще? Это же ненормальное явление вообще.

Конечно, работать еще с Украиной надо, с Грузией, но с Европой старой обязательно.

— Адамишин. По Крыму. Правовая основа для того, чтобы он был украинским, существует. Крым можно будет взять только с кровью. На Украине уже выросло поколение людей, которое считает, что Крым настолько же украинский, насколько он, скажем, генуэзский, или татарский, или турецкий или что-либо такое. Ошибка была допущена в 1954 году Хрущевым, но она, между прочим, была одобрена нашим Верховным Советом, что, кстати, показывает, что иметь «каучуковую» Думу очень удобно, но это может привести к серьезным последствиям.

Что касается расширения НАТО, меня не оставляет мысль, что мы могли предотвратить его в 1997 году, когда была первая очередь. У Клинтона тогда, кстати, были больше всего внутриполитические соображения. За него голосовали выходцы из Польши, выходцы из других стран Восточной Европы. И свои предвыборные соображения он поставил выше даже тех договоренностей, которые имелись между тогда еще СССР и Соединенными Штатами.

И вторая ошибка была допущена, когда в Беловежской Пуще обсуждали разлом Советского Союза и сделали это настолько топорно, что никакие вопросы дележа не были приняты во внимание.

— Золотарев. Я первый раз принимаю участие в российско-китайском семинаре и хочу поблагодарить его организаторов. У меня создалось впечатление, что в Китае гораздо больше свободы и демократии, чем в Соединенных Штатах. Потому что, когда встречаешься с американскими военными коллегами, даже если они в запасе, то их выступления находятся в гораздо более жестких инструкционных рамках, чем сегодня мы слышали разнообразие мыслей и идей, которые высказывали наши китайские коллеги.

Теперь по сути. Я думаю, что, говоря о возможных мировых тенденциях, надо упомянуть о том, что сейчас просматривается, на мой взгляд, в политике Соединенных Штатов. Мне кажется, у них есть стремление сплотить вокруг себя тех мировых лидеров, которых они примерно уже определили на перспективу, и стать этакими лидерами среди лидеров, и управлять всем этим процессом по-прежнему. Мы уже как бы такое мягкое управление через балансирование. И, как мне кажется, основу под такую свою политику они, в том числе, закладывают и технологическую, выдвинув идею глобального информационного превосходства, информационного доминирования. Причем делая упор не столько на сами информационные технологии, сколько на инновационные технологии в области управления, в области организации, т. е. с тем, чтобы с одной стороны формировать информационное поле в глобальном масштабе, соответствующее их интересам, а, во-вторых, чтобы всегда опережать всех остальных в принятии эффективных решений. Это первое замечание.

Второе, по поводу НАТО. Мне кажется, что и Ющенко, и Саакашвили, несмотря на политику России, сделали всё, чтобы пропало желание у европейцев принимать их в НАТО. Может быть я оптимист, но мне кажется, все-таки главное они уже сделали.

Теперь по поводу ядерного оружия и Ирана. Я думаю, что Иран неизбежно овладеет полным ядерным циклом. У них для этого есть все основания. И это не противоречит международному праву. И никто им в этом реально в нынешней ситуации помешать не сможет. Но отсюда вовсе не следует, что Иран станет обладателем ядерного оружия. Все остальное будет зависеть уже от того, будет окружающий мир и прежде всего те же Соединенные Штаты создавать мотивацию для того, чтобы перейти от технологий к производству ядерного оружия. В принципе мы имеем достаточно солидный список государств, которые способны иметь ракетно-ядерное оружие, но они его не имеют ввиду отсутствия политической мотивации.

Теперь по поводу ядерного оружия в Китае и вопросов его применения. Здесь уже прозвучал ответ на поставленный вопрос, но я хотел бы этот вопрос продолжить. У нас существует как минимум два мнения относительно доктринального обязательства Китая не применять ядерное оружие первым. Одни считают, что если живучесть ядерного оружия Китая не позволяет его применять в ответных действиях, то такое обязательство — фикция политическая, что иных вариантов у Китая не существует, кроме как применить первыми. Второе мнение заключается в том, что для Китая применение ядерного оружия — это полная бессмыслица, потому что для государства, имеющего огромные мобилизационные ресурсы, идти на использование оружия массового поражения — значит самим себя лишить этого преимущества. Мне бы хотелось услышать мнение наших китайских коллег, где здесь истина, в одном или в другом случае, или вообще где-то в третьем.

И последнее. По поводу роли ядерного оружия в перспективе. Я думаю, что действительно его роль падает. Но мне кажется, что на безопасность не повлияет существенно ни полное уничтожение ядерного оружия, а с этой идеей в Америке всё большее количество людей начинает носиться, для них это действительно выгодно: по всем остальным аспектам у них полное преимущество. И с другой стороны, сохранение ядерного оружия также не повлияет существенно на безопасность. Более того, может даже, если оно исчезнет, мы еще будем вспоминать о нем с нежностью, потому что на подходе такие технологии, и в первую очередь в области биотехнологии, которые уже сегодня позволяют создавать вещи, инструменты прежде всего наверное для проведения тайных операций, когда можно скрытно в достаточно короткие сроки отрегулировать и численность населения других стран по расовому принципу, и т. д. То есть генетическое оружие сейчас на подходе с такими последствиями, что, еще раз говорю, ядерное оружие, боюсь, когда и если мы его уничтожим, будет вспоминаться с нежностью и ностальгией.

— Сюн Гуанкай. Относительно политики КНР в области ядерного вооружения. Китай взял на себя обязательство первым не применять ядерное оружие. Мы также не применим ядерное

оружие для устрашения не имеющих ядерного оружия стран. Это второй тезис. Т. е. мы не будем применять его и угрожать этим оружием. Это основная политика.

У нас еще четверо желающих выступить, предлагаю не более пяти минут на выступление. Пожалуйста.

— Островский. Хотел бы вернуться немножко к проблемам экономики, как дальше Россия, Китай, Европа, финансовый кризис. Потому что это проблема достаточно серьезная. Может быть и некоторые проблемы, которые мы сегодня обсуждаем, глобальные проблемы, мировые, может из кризиса все страны выйдут такими, что части проблем и не будет, может исчезнут они, естественным путем отомрут некоторые отдельные в связи, например, с ухудшением, с резким падением темпов экономического роста.

Я хотел еще раз сказать, какая основная причина кризиса. Это чрезмерное преобладание финансовых инструментов над реальной экономикой. Я читал в одной статьей, что на 1 доллар произведенного внутреннего продукта существует примерно 17—18 долларов в виде всевозможных видов векселей, облигаций, акций, грубо говоря, финансовых инструментов. В этой ситуации сейчас принципиальный вопрос — как в будущем будет решаться вопрос очистки экономики всего мира от этих излишних, скажем так, финансовых инструментов, которые просто усложняют и затрудняют жизнь экономик разных стран.

В данном случае я хотел обратить внимание на ситуацию, как страны будут выходить из кризиса. Тут были разные точки зрения. Одни страны лучше выйдут, другие хуже. Я все-таки специалист по Китаю. Учитывая то, что, на мой взгляд, в Китае все-таки преобладает так называемая реальная экономика над всеми финансовыми инструментами, хотя за последние годы Китай увлекся и финансовыми инструментами, там рынки акций, облигаций, там Forex и т. д., причем и небезосновательно. Потому что на протяжении последних 10 лет акционерный рынок Китая, рынок ценных бумаг был так называемый «бычий» рынок. Он рос вверх все время упорно. И многие люди на этом в Китае хорошо заработали. И в этой ситуации, когда рынок обвалился, мировой рынок и соответственно китайский рынок, то возникает вопрос, а как это все-таки сказалось на китайской экономике.

Я хочу заметить, мы недавно в институте провели такой анализ, какие отрасли китайские пострадали, а какие отрасли наоборот получили одностороннее преимущество. И обнаружилось, что пострадал в основном финансовый рынок, безусловно, все те отрасли, которые в наибольшей степени были связаны с экспортом продукции, это текстиль, это часть продукции машиностроения, легкая промышленность, и провинции, которые в основном работали на экспорт. Это приморские районы, это Гуаньдун, Чжецзян. Но вместе с тем надо заметить, что некоторые отрасли сейчас, в условиях принятой Всекитайским собранием народных представителей и Госсоветом КНР программы выхода из кризиса переориентации от экспортной экономики на внутренний спрос, они получили дополнительные преимущества.

Возьмем железнодорожный транспорт в Китае. Из 4 трлн. юаней, которые выделены по программе инвестирования по дополнительным средствам, 1,6 трлн. были выделены только на развитие железнодорожного транспорта. Т.е. ясно одно, что железнодорожный транспорт получает определенные преимущества. Но это касается не только железнодорожного транспорта. Трубопроводный транспорт. Эта огромная программа строительства параллельного газопровода Урумчи—Шанхай. Это программа строительства газопровода Урумчи—Юг, т. е. как раз в те регионы, где наиболее серьезные и наиболее острые проблемы с энергообеспечением.

У меня сложилась точка зрения, что сегодня с учетом всей этой ситуации в отраслях экономики, Китай все-таки в наименьшей степени пострадает от кризиса. А если Китай выполнит программу 8-процентного роста ВВП на 2009 год… Сейчас реально какая из стран планирует на 2009 год 8% прироста ВВП? Давайте реально смотреть. Какая страна может выйти на этот показатель сегодня? Китай может, но опять же при определенных условиях. А при каких условиях, я хотел бы еще сказать несколько слов.

Есть три основных проблемы, которые стоят перед Китаем, перед китайской экономикой на будущее. Долгосрочные проблемы, до 2025 года и даже дальше. Первая — проблема избыточного населения, т. е. все-таки численность населения 1 млрд. 328 млн. человек, а, в перспективе, по всем оценкам китайских демографов, — это где-то от 1,5 до 1,6 млрд. человек. Т. е. где-то надо решать эту проблему. Сейчас там худо-бедно с точки зрения обеспечения продовольствием проблема решается. Урожайность в Китае достаточно высокая. 528 млн. тонн зерна за прошлый год. Это довольно приличная урожайность.

Вторая проблема — нехватка энергоресурсов. Причем если мы сегодня посмотрим ситуацию по структуре потребления энергоресурсов в Китае, то там проблема одна — нефть. В Китай

требуется импортировать нефти примерно столько, сколько они сегодня производят. Это где-то порядка 180 млн. тонн. В дальнейшем, по оценкам, добыча нефти будет увеличиваться. Но опять же, если объективно посмотреть, какова доля потребления нефти в Китае? 20% от силы. Наибольшую часть потребления энергоносителей все-таки составляет каменный уголь. А каменного угля в Китае достаточно, 13% мировых запасов, насколько я помню. Потом проблема воспроизводимых энергоресурсов, о которой сегодня говорил профессор Чжу. Т.е. это тоже достаточно серьезная проблема. Как раз Китай сейчас после Германии занимает второе место по этому показателю, хотя доля воспроизводимых энергоресурсов по объему небольшая, но если мы поедем в любую китайскую провинцию, например, в Синьцзяне ветровая энергия или во внутренней Монголии. В Юннани и в Чжезяне я видел на каждом доме солнечные батареи. Т. е. там этому дан достаточно хороший ход в борьбе за воспроизводимые энергоносители.

В целом в Китае я не вижу очень серьезных проблем, если к этому еще добавить достаточно большие запасы нефти и газа в Синьцзяне, которые еще по-настоящему не разрабатывались. Туда требовалось просто большие инвестиции вложить, серьезные инвестиции.

И третья проблема, которая, я считаю, наиболее острая для Китая, и которая будет тормозить развитие китайской экономики в будущем — это экологическая проблема. Потому что до недавнего времени одним из факторов, почему китайские товары на мировом рынке достаточно конкурентоспособны и обладают низкой ценой. Потому что в Китае, если брать себестоимость большей части продукции на территории Китая, то там минимум затрат на экологию. Если, например, в Западной Европе, в Америке очень высокие стандарты ЕСО, то в Китае только последние годы занялись экологической проблемой, когда уже реки, озера, воздух были загрязнены дальше некуда. В этой связи как раз одна из острейших проблем для Китая — это экология. Потому что программа, которая была намечена в 2006 году по экономии энергоресурсов и введению энергосберегающих технологий, сегодня не выполняятся. Это наиболее слабое звено в экономике Китая. Если говорить реально сегодня о том, что может затормозить развитие китайской экономики и выход из кризиса, моя точка зрения, что экологическая проблема это «проблема номер один», потом стоят проблема народонаселения и проблема энергоносителей.

Я хотел бы услышать от китайских коллег, что они думают по поводу роли этих трех факторов на развитие китайской экономики на перспективу.

— Иноземцев. У меня больше вопрос, чем выступление. Мы только что выслушали очень интересные выступления двух китайских коллег — товарища Вана и товарища Ли. В этих выступлениях главным лейтмотивом была тема так называемой G-2, большой двойки — США и Китая — и возможности этой двойки, ее роли в управлении миром.

Наши китайские коллеги очень жестко изобличили эту конструкцию и сказали, что такого рода предложения нереалистичны, и Китай не займет никогда подчиненного положения в этой паре.

У меня два вопроса. Во-первых, кто-нибудь предлагал нашим китайским товарищам такой союз, за исключением неофициального заявления г-на Бжезинского в январе? Были ли официальные такого рода предложения со стороны США? Или я что-то пропустил. И зачем так активно критиковать теорию, которой, в общем-то, нет.

Второй вопрос. Параллельно с этим говорилось о том, что союз Китая с Россией это то, что нужно, в отличие от союза с США. Вопрос: а китайские товарищи серьезно считают, что Россия очень хочет занять то подчиненное положение в союзе с Китаем, которое Китай не хочет занимать в союзе с США?

Еще два вопроса товарищу Сюн. Первый вопрос касается заявления о том, что Китай категорически выступает против обладания Ираном ядерным оружием. В связи с этим вопрос: если в рамках такого же подхода Соединенные Штаты Америки нанесут удар по Ирану и иранским ядерным объектам, Китай поддержит это решение США или нет?

И последний вопрос. Так как постоянно отмечается, что Китай — это держава, которая выступает за поддержание всеобщего мира и за мирное развитие, хотелось бы, чтобы китайские коллеги прокомментировали свое отношение к положению в Судане. Не нарушает ли нынешний режим в Судане принципа мирного сосуществования и цивилизованного отношения к собственным народам? И, в частности, в западной прессе в течение двух лет проходят очень четкие указания на то, что с 2005 года в Судане размещен ограниченный контингент Национально-освободительной армии Китая. Правда это или нет?

— Денисов. Меня в очередной раз приятно удивило, что под руководством ЦК компартии Китая китайские товарищи так внимательно изучают роль, место и итоги развала Советского Союза.

Несколько может быть спорных тезисов в отношении проблемы лидерства. Действительно никого не устраивает ни G-8, ни G-20. И здесь очень много говорилось о G-2. Какой ни была бы конструкция, но пока эта конструкция будет. Будет ли это G-3, будет ли это G-2, но какая-то такая конструкция неизбежна, на мой взгляд.

Я вообще не исключаю, что попытка создания G-2, — это попытка использовать китайские возможности в решении афганской проблемы.

Теперь что касается кризиса. Кризис это конечно и потери, и новые возможности. Я считаю, что есть определенные некоторые новые ростки. Я считаю, есть беспрецедентный кредит так сказать 25 млрд., который получен Россией от китайской стороны. Я считаю, что, может быть, сейчас есть время подумать о том, чтобы перейти к торговле между двумя нашими странами в национальных валютах. Я считаю, что это будет какой-то определенный ход в этой стороне.

Теперь что касается вопросов ядерного оружия. На мой взгляд, неизбежно то, что Иран будет обладать ядерным оружием, но это повлечет за собой и наличие ядерного оружия и в Саудовской Аравии, и в Турции. И вообще мы должны готовиться к тому, что скоро на карте мира будет 15—17 государств, которые будут обладать ядерным оружием. Нам придется с этим жить.

— Ван Цзяньган. Я никогда не приезжал в Россию. Для меня это хорошая возможность поучиться у российских коллег. Не знаю, прав я или нет, но хотел бы ответить на вопрос г-на Иноземцева. Только что товарищи Ван Хайюнь и Ли Фэнлинь уже дали некоторые пояснения. Я работал в Америке. Возможно, некоторые американские СМИ все-таки хотят эксплуатировать идею G-2. Я думаю, что это особый вопрос и не очень реалистичный. Конечно, Россия может беспокоиться по поводу усиления сотрудничества между Китаем и США, но это как бы частное такое сотрудничество, не столько на государственном уровне, сколько частное.

Что касается отправки китайских войск в Судан, это была отправка по решению постоянного комитета Совета безопасности ООН. И, кроме того, это решение, отправка китайского контингента, получило одобрение правительства Судана. Если бы такого не было, то никакие солдаты бы туда не посылались.

Хотел бы ответить на первый вопрос. В феврале этого года, когда мы проводили заседание в Шанхае и обсуждали трехсторонние связи, г-н Караганов высказал точку зрения о том, что Китай, США и Россия — это треугольник так называемой «холодной войны», он превращается из треугольника в трехсторонние связи. Но мы говорили, что эти трехсторонние связи неравные, несбалансированные.

С моей точки зрения, Китай и Россия — это очень крупные и влиятельные державы мира, и в то же время хорошие соседи, братья, друзья. И наши добрососедские связи очень хорошо развиваются. Я полагаю, что в наших отношениях пока что торгово-экономические связи отстают.

Вопрос в том, как можно усиливать торгово-экономическое сотрудничество. Если в долговременной перспективе торгово-экономические отношения будут уступать политическим, то не повлияет ли это на долговременное сотрудничество?

— Сюн Гуанкай. На этом мы заканчиваем обсуждение первой темы. Выступили 18 человек. Это очень хорошая цифра, поскольку в Китае это число благоприятствует развитию. Обеими сторонами были заданы вопросы, на часть из которых были даны ответы, на другие — еще нет. Но у нас впереди три заседания, так что мы их там обсудим, а также можем воспользоваться перерывами на кофе, обед и ужин для углубленного обмена мнениями по этой проблематике. На этом я передаю дирижерскую палочку господину Караганову, который будет вести второе заседание.

— Караганов. Спасибо, товарищ Сюн. Поскольку несколько человек не успело выступить на этом заседании, мы продолжим обсуждение в том числе и некоторых вопросов, которые мы недообсудили, тем более что часть наших выступлений на прошедшем заседании касалась второй темы, ситуации на расширенном Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Первое слово будет предоставлено Алексею Арбатову, а затем мы сможем в ходе дискуссии возвращаться к тем вопросам первой темы, которые мы еще не до конца прояснили для себя. В частности, хотелось

бы продолжить дискуссию о т.н. трехстороннем сотрудничестве, которая на шанхайской встрече прозвучала не как гром среди ясного неба, а как радуга на ясном небе. Это было очень интересная идея, которую мы тоже будем обсуждать. А сейчас обед.